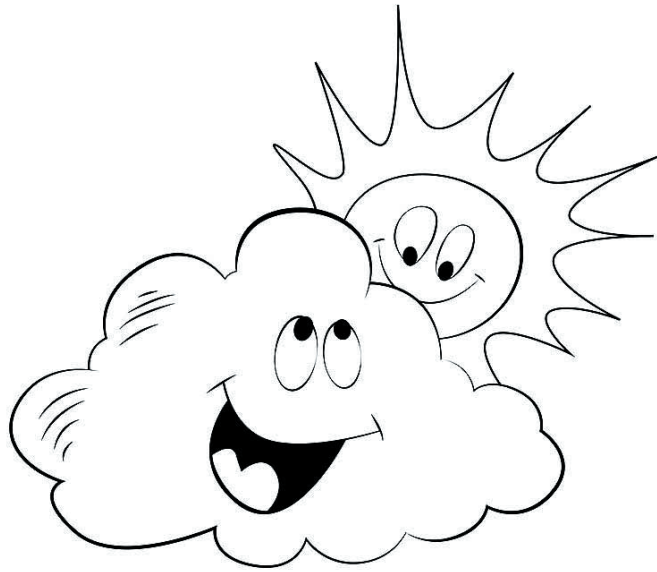

Анатолий Казаков

***Сопушка и
белое облачко***

Братск 2019

ББК 84 (2=411.2) 6
К 14

6+

«Сопушка и белое облачко» для детей разного возраста / Казаков А. В. —
Братск: тип. «Полиграф», 2019. — 76 с.

© Казаков А. В.

© Оформление «Полиграф», 2019

Об авторе

Родился в городе Братске 29 января 1966 года.

Долгое время работал на заводе отопительного оборудования «Сибтепломаш».

За рассказ «Евдокеюшка» в рамках национального конкурса «Золотое перо Руси 2014 г.» был награждён серебряной грамотой в номинации «Духовность», грамота была вручена профессором богословия Осиповым Алексеем Ильичом (г. Москва). На этом же конкурсе в 2017 году за очерк «Беловские чтения» был награжден серебряным дипломом, награжден медалью от Русской Православной Церкви.

Автор на протяжении почти 20 лет является участником и солистом народного хора «Русское поле». Автор книг: «Никифор», «Зависть и доброта», «Защитник земли русской», «Святодавишняя Русь», «Аналой», «Одинокая лампада деревни». Автор сборника стихов «Совесть есть смысл бытия»... Выпущено также пять детских книг: «Сказка о маленьком мальчике», «Якутские вороны», «Трепыхашка», «Хоришь-моришь-хо-хо-хо!», «Сопушка и белое облачко».

Это предисловие прежде всего для вас, уважаемые мамы и папы, дедушки и бабушки. Вам первым предстоит познакомиться с этими – в чём-то наивными, а в чём-то мудрыми – сказками. А потом вы их прочитаете своим детям и внукам. И хорошо сделаете: здесь есть то, чего так катастрофически не хватает в нашей сегодняшней жизни – Доброты. Она щедро разлита по всем страницам этой небольшой, снабжённой выразительными рисунками, книги. По её законам живут наши братья меньшие – кроты и зайцы, синички и ёжики. Перед ней пасуют и попадают под её влияние даже хозяева леса – медведи.

К сожалению Доброта сегодня становится сказочным персонажем, а в нашей человеческой жизни её место зачастую занимает другой, тоже сказочный персонаж – Золотой Телец, властитель многих душ и дум.

Так пусть эта сказочная Доброта, пройдя через наши души, вытеснит Золотого Тельца и поселится в нашей жизни.

Автор этих сказок – Анатолий Казаков – простой сторож. Как известно, особенности этой профессии – часто и надолго оставаться наедине с собой и миром. Это располагает к философским размышлениям, а те, кто обладает творческой жилкой, берут в руки перо. Анатолий Казаков принадлежит именно к этой категории.

Член Союза журналистов СССР Эмма Зачиняева.

Мальчик–Зайчик и Храпушка

Мальчика Стёпку все домашние его, а это дедушка Семён Евграфович, бабушка Елизавета Никандровна, папа Сергей и мама Света, называли любя Мальчиком-Зайчиком. Стёпка немного обижался на родных людей. Сколько раз он смотрел в картинки, где были нарисованы зайцы, и совсем не находил с собою сходства.

Однажды Стёпка сильно заболел, и ему стало грустно и скучно жить на белом свете. Хотя белый свет был по-прежнему вечно удивителен и прекрасен, но заболевший ребёнок этого на время не замечал. Было мальчику на ту пору пять лет. Лёжа в кровати с градусником под мышкой, его голубые глазёнки быстро моргали, и вскоре появились слёзки. Они покатались, словно беленькие бусинки, вниз и намочили подушку. Подушке вовсе не хотелось быть мокрой, потому как она привыкла быть сухой, и большущая мягкая-премягкая подушка заговорила:

– Ну и что ты, Мальчик-Зайчик, расплакался? Я не хочу быть мокрой от твоих алмазных слезинок.

Мальчик сильно-пресильно удивился, что подушка разговаривает, подумал и спросил:

– А почему мои слёзки алмазные?

Подушка тоже подумала и сказала:

– Ну как же, ты же заболел, твои косточки болят, надо же мне какие-то слова придумывать, чтобы тебя отвлечь. А слёзки у тебя и вправду алмазенькие, беленькие-пребеленькие. Ну можно ещё сказать – хрустальненькие. Ой, что-то я разговорила, кто-то идёт.

В комнату вошла мама Света, пощупала лобик у сына, посмотрела на градусник, покачала головой и быстро

ушла на кухню. У Стёпки совсем мало было сил, и он тихонько сказал подушке:

– Не называй меня Мальчиком-Зайчиком, я не похож на зайца.

В комнату зашла мама, дала сыну таблетку, и стала поить сыночка брусничным морсом. А вот подушка радовалась, что ей не надо пить горькие таблетки, и прятаться от хозяйки, и она её не заругает, как вот Стёпку, например, когда он бегал босиком по лужам. Напоив сынульку, мамочка снова ушла на кухню. Подушке совсем не нравилось настроение мальчика, и она снова заговорила с ним:

– Слушай, Стёпка, а давай я найду тебе друга, и тогда тебе легче станет болеть.

Мальчик тихо и грустно сказал:

– Да где же ты, подушка, его найдёшь? Моих друзей ко мне не пускают, чтобы не заразились от меня, а они сейчас на улице по лужам бегают, вот же везёт им.

И Мальчик-Зайчик грустно вздохнул. Он вспомнил про друзей Вадика, что был старше его на год, Эдика, который был помладше Стёпки на год. Вспомнил всех пятерых братьев Бутылкиных. Старшим братом у них был Юрка, но фамилия у него была Арбузов, а вот у младших всех четырёх Бутылкины. И Стёпка не мог понять, почему такое бывает. Прибегал к ним играть и Серёжка Никитин, и Андрейка Милинчук, Виталист с Мишкой. Приходил с другого барака Мишка Павлинов. И вот все они бегали по лужам, кроме него, Стёпки. Как тут было не загрустить мальчишечке. В соседней комнате спал дедушка Семён Евграфович, и при этом сильно храпел. Подушка оживилась и произнесла:

– А вот и нашла я тебе друга. Слышишь, в соседней

комнате Храпушка с тобой разговаривает.

Стёпка чуть заметно встрепенулся:

– Это никакой не Храпушка, это мой дед храпит.

Подушка не унималась:

– Нет. Ты ничего не понимаешь, это Храпушка с тобою разговаривает.

– Да как же он со мною разговаривает, если я ничего не понимаю.

Подушка, рассердившись на мальчика, отвечала:

– Храпушка говорит тебе, чтобы ты не болел, пил лекарство послушно. Не перечил маме, когда она тебя кормит из ложечки кашей. И что когда ты станешь здоров, вы будете бегать вместе по лужам.

– А как ты понимаешь, о чём говорит Храпушка, а я нет?

– Это я переводчиком к вам работать устроился.

Стёпка устал спорить с подушкой, и вскоре заснул. Во сне ему приснилась живая Храпушка, она была чем-то похожа на Чебурашку из мультика. И они бегали с новым другом по лужам, ели мороженое. И Стёпка учил Храпушку кататься на велосипеде. Познакомил всех друзей с новым другом, и даже с Вовкой Бутылкиным подрался из-за чего-то.

Рано утром Стёпка проснулся, и тут же услышал подушкин храп. И странное дело, он теперь понимал, о чём говорит ему друг Храпуша. Подушка же, обидевшись за то, что мальчик заснул и перестал с ней разговаривать, молчала. А когда узнала, что Стёпка понимает, о чём говорит Храпушка, сразу развеселилась и расстроилась одновременно. Расстроилась оттого, что потеряла свой сказочный заработок переводчика, развеселилась потому, что была доброй подушкой. Вскоре вошла мама Све-

та и померила температуру у сына. Градусник показал отличный результат. Мама, удивившись, спросила:

– Что же произошло за эту ночь? Неужели так помог брусничный морс?

Стёпка заметно повеселевшим голосом отвечал мамочке:

– Мам, а мы с подушкой и Храпушей подружились.

Мама Света ничего не поняла, о чём говорит её сынишка, она быстро пошла на кухню сообщить родным, что Мальчик-Зайчик пошёл на поправку. Лужи во дворе были настолько большими, что не высыхали всё сибирское лето. Местами глубина в них доходила выше колен. Выздоровев, Стёпка снова мерил с друзьями лужи. Падали в огромной луже все, потому что под водой был скользкий лёд. Стёпка всегда выносил большой белый ледоход, на котором было написано большими буквами «Ленин». И все ребятишки попеременно играли с этим самым большим ледоколом. Больше всех им играли братья Бутылкины, потому что их было больше. То и дело ребятишки бегали домой сушить свою нехитрую одежду. Вот и теперь Стёпка развесил свои штанишки на спинку большущей железной кровати. Эта самая спинка была совсем рядышком с печкой. Глядя на сохнувшие рубашку, свитерок, носочки, Стёпка глядел на папу Серёжу, он что-то там готовил. Наверное, пельмени, ведь папка кроме жареных яиц и пельменей ничего готовить не умел. Папа Серёжа рассказывал сыну:

– Была у нас в деревне умная собака, залезем мы на крышу дыру чинить, а молоток забудем, неохота снова слазить вниз с высоченной крыши. Командовали нашей собаке. Она брала в зубы молоток, и по лестнице, словно человек, забиралась к нам на крышу. Потом мы её на-

учили и гвозди в ящике нам подавать. Только это у неё уже хуже получалось. Потому что мы прицепляли к ящику верёвку вначале, а собака не могла, сколько ни пыталась, вдеть свою голову в верёвку. Тогда мы к ящику проволоку прикрутили, и стало получаться. На это представление все ребятишки деревни прибегали, ох и хохотали. Затем отец, поглядев на сына, сказал погрустневшим голосом:

– Ты, Стёпка, из-за этой большой лужи простываешь часто, а мама поэтому с тобой на больничном листе находится, понимаешь, она сильно переживает и за тебя, и за работу.

Стёпка слушал папку, да так и заснул. Подушка боялась разговаривать с мальчиком, чтобы не услышал их секрет папа Серёжа. Во сне Стёпке приснился Храпушка, он снова бегал с ним по лужам, в начале, правда, вспомнил о маме, но потом снова побежал. Утром мальчику стало совсем плохо, и его увезли в больницу. Тётеньки в белых халатах кололи Стёпку какими-то антибиотиками под названием «пенициллин», даже ночью его будили и ставили болючие уколы. Мальчику хотелось плакать, но он терпел. В больнице уже не было мамы и его разговаривающей подушки. Придёт ли к нему во сне его друг Храпуша? Но ночь прошла, а Храпушка так и не пришёл. Через месяц мальчика выписали из больницы. В первую же ночь дома ему приснился его друг Храпуша, он говорил Стёпке, что лужа теперь замёрзла. Что мальчишки теперь там играют в хоккей и ждут его, потому как Стёпка вратарь. Когда Стёпке исполнилось семь лет, Храпушка перестал сниться мальчику, перестала разговаривать с ним и подушка. Он на это пожаловался мамочке, та сказала, что он уже большой. Что Храпуша ушёл к маленьким

мальчикам, чтобы им было легче переносить болезнь. Но тогда почему не разговаривает с ним подушка, подумал мальчик, и подушка вдруг ему ответила:

– Ты уже большой Стёпка. А у тебя родился братик Васька, мне теперь надо с ним разговаривать. Да ты не печалься, у тебя столько друзей, что ты не соскучишься, к тому же ты пойдёшь в первый класс.

Вскоре мальчик пошёл в первый класс, и его приняли в октябрята. Он с гордостью шёл домой, глядел на красную звёздочку, которую прицепили на его форму, и был на седьмом небе от счастья. Зазевался по дороге так, что его чуть не сбила машина. Он побежал от водителя, но тот его догнал и дал Стёпке пендаля. Но, несмотря на это, мальчик пришёл домой довольный. Прыгнул на диван, задрал ноги на стену, на которой висел ковёр с оленями, и громко закричал:

– Я теперь, родители, октябрёнок!

Родители по этому случаю приготовили дома праздничный ужин. Стёпка пил лимонад и всё думал, надо же какой вкусный он, с пузырьками. Подошёл к кроватке братика Васьки и спросил его, не приходит ли во сне к нему Храпушка.

Васька дрыгал своими маленькими кривоватыми ножонками вверх, ничего не говорил и улыбался беззубым ротиком. Нет, наверно, Храпушка не приходил к нему, ведь он ещё совсем ничего не понимает и даже не разговаривает. А подушка-переводчица, как она-то с Васькой будет разговаривать...

Стоя в воротах, Стёпке прилетела в лоб шайба. Огромный синяк снова расстроил его мамочку. Она быстро приложила на больное место лекарство под названием «бодяга». Но вместе с тем мама Света понимала, что у неё

подрастает настоящий мужичок, раз он не боится играть в хоккей. Но всё же отдушина у Стёпки была всегда, на этот раз он разговаривал с котом Барсиком и тот, странное дело, его понимал, подмурлыкивал. Как там дальше сложится Стёпкина жизнь, мне неизвестно, но сказочное детство было в его жизни, в нашей с вами жизни...

Дубак

Было это девятнадцатого апреля две тысячи девятнадцатого года. В нашем родном сибирском городе Братске. Закончились уроки. И вот, вроде бы, радость, но второкласснику Андрейке не хотелось выходить из школы. Почему же такое было? Всё просто. На улице дул сильный-пресильный шквалистый ветер, шёл снег, который залеплял лицо прохожих так, что люди отворачивались в противоположную сторону для того, чтобы, протерев глаза рукавицей ли, перчаткой или просто рукою, снова отважно продолжать свой путь по бесконечным делам, идя по давно знакомым дорогам или дорожкам таёжного сибирского города. Вдобавок ко всему была минусовая температура...

Его друзья Антон, Вася и Валера уже выбежали на улицу. Побросав школьные рюкзаки возле парадного крыльца тридцать четвёртой школы, мальчишки задорно играли в снежки. Видя, что Андрей не выходит, кричали ему изо всех сил, чтобы друг выходил на улицу. Но за двойными дверями школы Андрейка их не слышал. Наконец, набравшись духу, второклассник вышел на крыльцо. Его тут же обдало холодом этого дня. Вдруг Валерка закричал:

– Посмотрите, лето!

Андрейка поморщился от таких слов, будто кислого-прекислого кваса отведал, да ответил другу:

– Какое лето? Дубак.

Затем, помолчав несколько секунд, добавил:

– Дубак. Дубак. Дубак.

Антошка, Васька с Валеркой продолжали бегать возле

школы, махая руками, открывали рты и ловили снежинки.

Лишь Андрей, не понимая, чему радуются друзья, снова прокричал им:

— Какое вам лето? Дубак.

И вот, идя сквозь огромный ветер, ёжась, второклассник Андрейка, глядя на прохожих дедушек и бабушек, встречающихся у него на пути, удивлялся, почему же они не ёжатся, как он, им почему-то совсем не холодно. И словно кто-то подслушал его мысли. Прямо навстречу ему шёл с распахнутой настежь грудью дед. Был он высоченного роста, на нём была надета тельняшка, полушубок же не был застёгнут вовсе, не было на голове и шапки. Седые, но всё ещё кучерявые волосы пожилого мужика сильно развевались на ветру. Дед, глядя на Андрейку, сказал:

— Эх ты! А ещё сибиряк!

И быстро пошагал дальше. Андрейка добежал до своего девятиэтажного дома. Быстро приставил к двери магнитик, и попал в долгожданное тепло. Дома никого не было, родители были на работе. Но на столе стоял винегрет с его любимым зелёным горошком, в сковородке лежали вкусные-превкусные котлеты. Также мамочка Люся для своего чадушки сварила ягодный кисель. Сытно пообедав, мальчик включил компьютер, ещё раз пересмотрел любимый мультфильм. Потом подошёл к окну, поглядел на погоду. На улице было светопреставление, стихия гнула тополя с берёзами так, что мальчику казалось, что сейчас ветер их все переломает. Посмотрел на сосновый парк. Те деревья были помогучее, но тоже сильно шевелились. Андрейка от такой картины поёжился, вспомнив, как он добирался до дому, и снова сказал:

— Дубак.

В это мгновение в квартиру позвонили. Андрейка открыл дверь и увидел друзей. Валерка громко скомандовал:

— Пошли гулять. В футбол поиграем.

Андрей, снова поёжившись, ответил:

— Какое гулять. Там дубак.

Как друзья ни уговаривали своего вратаря, он не согласился играть в футбол при снежной погоде и сильном ветре. Когда родители вернулись с работы, Андрейка спросил у папы Игоря:

— Как ты, папка, на улице весь день работаешь? Там же дубак.

Отец Андрея работал на дорожном строительстве трактористом. Весело улыбнувшись, ответил сынульке:

— Так у нас в Сибири всю дорогу дубак, так что ж теперь, не работать? Кто тогда будет нам на хлеб зарабатывать? Ты, сын, любишь вкусно поесть, котлетки с сосисками, компоты, ягодный кисель, а на это всё, брат, надо заработать. И именно, как ты сам говоришь, на дубаке заработать. Вот такая, брат, картина жизни получается. Если бы строители Братской ГЭС ветра да снега боялись, то разве бы они осилили великую стройку? А многопанельные дома, в которых мы живём, они ведь тоже при ветре и дубаке строились. Сибиряки, сынок, они особый народ. Сибирские полки, они в далёком уже сорок первом году фашистов от города-героя Москвы прогнали. И помогли им при этом не только их меткие выстрелы, потому как все охотниками были, но и огромную службу сослужил дедушка-мороз красный нос, который немцев то шибко поморозил. Именно дубак и помог, которого ты боишься. Потому, сынок, не надо бояться дубака, это,

брат, наша стихия, мыс морозом, снегом, да ветром прямо побратимы получаемся.

Наступила ночь. Андрейке приснилась Братская ГЭС, как отважные строители возводят плотину. И ему даже во сне стало стыдно, что он испугался этого дубака, что не пошёл играть с друзьями в футбол. А ещё приснился дед в тельняшке, а на тельняшке были почему-то медали с орденами.

На следующий день была суббота. Андрейка стоял в воротах и залихватски отбивал мяч. Он больше не боялся дубака. Вот только друзья Антон, Васька и Валерка удивлялись, как переменился за ночь Андрей.

Жизнь - она что? Идёт себе, бежит, словно полноводная могучая сибирская река Ангара. Настал день девятое мая. На параде в «Бессмертном полку» папа Игорь шёл рядом с сыном Андреем, который гордо нёс портрет погибшего деда. Андрейка уже не боялся ничего на свете...

Светкин северный поход

На земле нашей, в сибирском городе Братске стоял месяц сентябрь. Знамо дело, он по всей земле стоял, только это же детский рассказик, так, стало быть, надобно немножечко загадочно писать. И, может такое случится, что от этой самой загадочности человечкам малым и большим интереснее будет читать...

Было это уже в далёком-предалёком тысяча девятьсот семьдесят втором году. В один из дней Света принесла в детский садик подаренный ей родным дядей Колей компас. Дядя её был капитаном дальнего плавания. Рассказывал он Свете, что ходит по всему бескрайнему Северу на большом корабле, видел больших китов, косаток, белых медведей, моржей, пингвинов. Светка тут же попросила дядю Колю, чтобы он взял её с собой, рассказала любимому дяде, что очень хочет погладить косаточку по голове, накормить конфетками и напоить чаем с брусничным вареньем, которое она любит. Ведь мама его делает ягодка к ягодке с сиропом. Девочка смело говорила, что возьмёт большую деревенскую деревянную ложку и будет кормить косаточку. Капитан долго смеялся, слёзы прямо-таки ручьём лились с его глаз, и наконец сказал:

— Света, племяншка моя золотая! Рассмешила ты меня крепко. Косатки — они же большие, плавают в ледяной воде, их точно никак не погладишь.

Расстроилась девочка, и капитан дальнего плавания вдруг подарил племяннице компас. Светка от неожиданности перестала расстраиваться, открыла рот от удивления, затем подержала маленько в ручонках своих компас, поглядела на красивые стрелки и протянула руки обратно, тихо говоря при этом дяде:

— Как же ты, дядя Коля, без компаса будешь по Северу ходить, заблудишься, а мы тут будем за тебя переживать. Ты вот когда долго писем не пишешь, мамочка моя знаешь, как плачет. Говорит, не случилось ли чего с братом.

Пуще прежнего рассмеялся капитан, а просмеявшись, ответил:

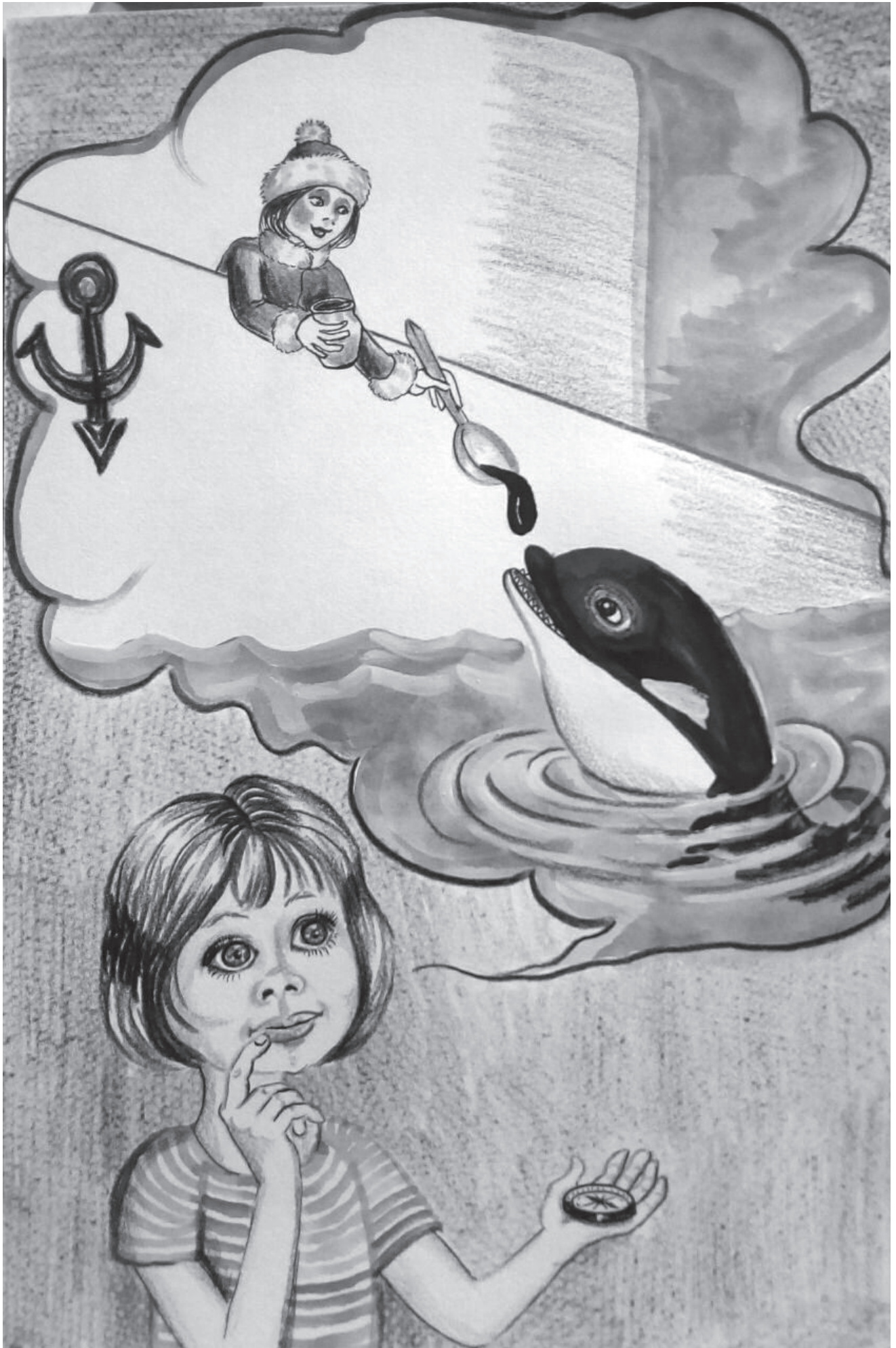
— У меня на корабле большой компас есть, а этот маленький, я тебе на добрую память привёз. Вы с мамой, когда от меня долго писем нет, старайтесь не переживать. С корабля ведь письмо не отправишь. И когда сильно загрустите, поглядите на компас и вам непременно станет полегче. А в этот самый момент я, может быть, буду есть борщ или макароны по-флотски с котлетой, пить компот и тепло думать о вас. О том, что в далёком Братске живёт моя сестрёнка Лена с племяншкой Светой. И что в следующий мой приезд я постараюсь привезти тебе, Светка, настоящую подзорную трубу.

Вмиг перестала от таких дядиных слов переживать девочка, но всё же сказала:

— Ты, дядя Коля, береги себя там. Мне кажется, косаточки — они добрые, но только ты не прыгай в ледяную воду, чтобы покупаться с ними, а то простудишься.

Снова громко хохотал капитан дальнего плавания, а когда уезжал на Север, взял на руки свою дорогую племяншку, поднял её выше головы, потом расцеловал своё маленькое дорогое сокровище.

И вот Света, принеся компас в садик, сразу показала его своим друзьям Сашке и Игорю. Света почему-то дружила только с мальчиками и была у них за старшего. Светка рассказала мальчишкам о дяде, о далёких косаточках, и предложила по компасу идти на Север к дяде и косаткам, строго сказав при этом:

— Одевайтесь потеплее в телогрейки и еды побольше берите, консервы, печенье, котлеты если кто возьмёт, то их надо будет съесть в первый день, а то испортятся.

Но их план похода на Север почему-то стал быстро известен родителям. Когда Игорь пришёл домой и стал из холодильника класть в рюкзак консервы, мама Рита спросила его, куда это он собирается. Но Игорёк не рассказал маме ничего, лишь сильно нахмурился. Тогда папа Игоря Сергей взял в руки ремень и мальчик тихо-претихо рассказал родителям о походе на Север, где плавают красивые-прекрасивые, большие-пребольшие косатки, и что Светка хочет накормить их вареньем из большой деревянной ложки. А они с Сашкой хотят поглядеть ещё и на пингвинов, покормить их печеньками, ведь они голодные там, на Севере, и там, наверное, нет столовых с вкусной едой. Сашка попался на котлетах. Когда мама Маша нажарила полную сковороду котлет, но увидев, что в доме нет хлеба, ушла в магазин, Саша достал рюкзак и горячие котлеты полетели в рюкзак. Мама вернулась из магазина, а сковорода пуста. Глядит на сыночка, а тот телогрейку одевает. В это время приехал на обед муж Степан. Узнав о северном походе, родители Сашины долго смеялись, но маме Маше всё же жаль было котлеты, ведь рюкзак оказался грязным. Только Светке удалось остаться незамеченной. Она положила в сумку пачку печенья и бутылку лимонада, приготовила и зимнее пальтишко. Но утром о северном походе детей стало известно всему детскому саду. Светка, разозлившись на мальчишек, целых полдня даже не разговаривала с ними, но потом неожиданно простила их, потому что ни у кого из детей не было компаса, и все, даже взрослые воспитательницы, дружно разглядывали красивые стрелки

на компасе, но на северный поход почему-то больше никто не отважился.

Об одном жалела Светка, что не поплавала с дядей на большом корабле, она верила, что когда дошли бы они до Севера, то дядя Коля сразу бы посадил их в свой большой корабль и накормил бы дорогих путников макаронами по-флотски и напоил бы компотом. Но пуще всего переживала Светка, что не погладила косаточек...

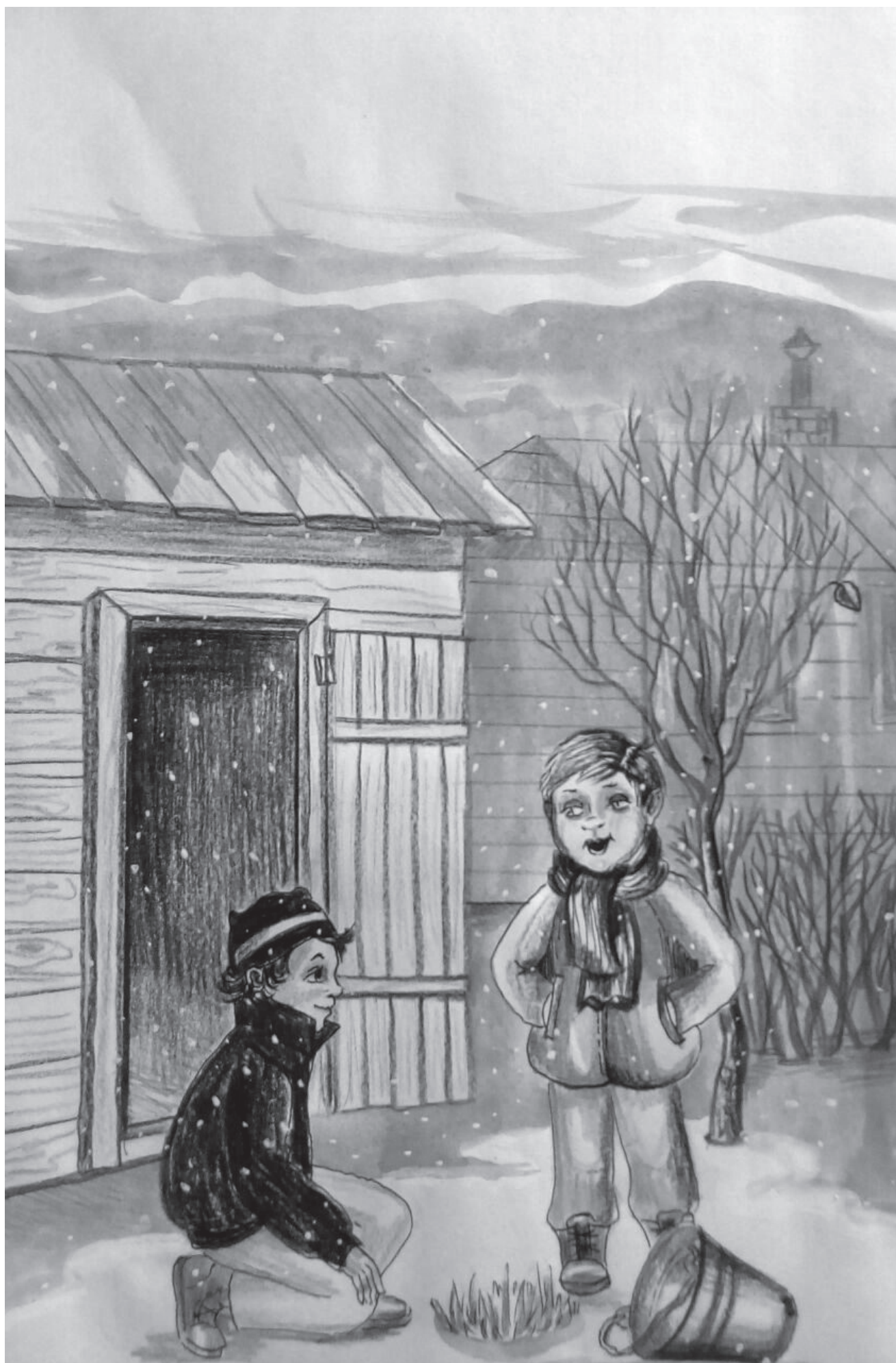

Секрет Эдика и Толика

Ранняя осень своими утренними заморозками неизбежно напоминала, что совсем скоро наступит студёная зима. Толик и Эдик жили в бараке и, когда их родители уезжали рано утром на большой завод, друзья, натопив печку и не забыв закрыть заслонку, чтобы не выходило тепло из барачной комнаты, выходили погулять. Как всегда, путь их лежал за близлежащие сарайки. Бараков вокруг было много, потому было много и сараек, в которых люди хранили дрова, велосипеды и даже мопеды, мотороллеры, мотоциклы.

В Эдикиной сарайке кроме больших сосновых чурок хранился велосипед под названием «Урал», все мальчишки называли такую технику «взрослик», что означало, что это велосипед для взрослых. Эдик был мальчишкой-крепышом и быстро научился управлять таким велосипедом. Делал он это так: залазил под рамку велосипеда, отталкивался и, нажимая на педали, мчался по осенней примороженной дороге. У Толика же был велосипед под названием «Салют», и он уже доставал ногами до педалей, но Толик был не спортивным мальчиком, потому, наверное, долго учился управлять подаренным ему двуродным братом Володей велосипедом. А однажды, врезавшись в забор и слегка поранившись, Толик почему-то больше решил не совершать аварий, и вскоре научился кататься на велосипеде.

На двух велосипедах друзей были почему-то красные покрышки, и когда они неслись по улицам их посёлка Гидростроитель, мамы Настя и Нина издали видели своих сыновей и слегка поругивали, чтобы сильно не гоняли. Вскоре папа Эдика, дядя Володя, проколол на велосипе-

де сразу два колеса, а починить не успел, потому как ему надо было ехать на служебном автобусе на работу. Как только дядя Володя вернулся, он сразу заклеил шины, а пока велосипед был в ремонте, друзья по очереди катались на «Салюте» Толика. Но вскоре дядя Володя поехал на велосипеде в магазин и оставил «Урал» возле крыльца магазина. Пока он стоял в очереди за продуктами, на «взрослик» задним ходом наехал грузовик. Ремонту велосипед уже не подлежал, и потому в это утро опечаленные друзья, выйдя за сарайки, думали, чем же заняться. Кругом было много замороженных луж, выйдя на заснеженную полянку, Эдик с Толиком увидели перевёрнутое дырявое ведро.

От нечего делать они подошли к ведру и попытались его оторвать от земли, получилось это не сразу, потому как и ведро оказалось примороженным. А когда друзья всё же оторвали ведро от земли, то от увиденного застыли на месте и какое-то время молчали и переглядывались, удивлённо друг на друга. На том месте, которое укрывало ведро, росла зелёная-презелёная трава. Толик с Эдиком огляделись вокруг, кругом были замёрзшие лужи и почти везде лежал тонкий слой снега. Долго глядели они на красивую зелёненькую травку. А после, накрыв снова это место ведром, решили, что это будет только их секрет.

Теперь мальчишки каждое утро, натаскав в свои барачные комнаты по два ведра воды с колонки, протопив печи и исколов по сосновой чурке дров, слегка подуставшие, шли за сарайки проверить их секрет. Ещё целых две недели держался их секрет, пока не наступили сибирские морозы и вокруг всё не завалило толстым-пре-толстым слоем белого-пребелого снега. Когда же насту-

пила весна, друзья решили проверить свой секрет. Ведро по-прежнему стояло на месте. Когда они приподняли его, то увидели, что там уже нет секрета, потому как кругом росла маленькая, набирающая силу зелёная травка.

Унывающий кабачок

Жил-был кабачок. И вот, вроде бы, ещё несколько дней назад его совсем не было. А тут при удобрении да поливе взял враз и вырос. Большущий белый кабачок был виден издалека. Бабушка Лида всё ходила по огороду, занималась окучкой картошки и твердила:

— Вот бы не забыть срезать кабачок-то, а то перезреет.

День за работой, как и завсегда на белом свете, закончился быстро. Бабушка Лида, окучив десять рядков, перекрестившись, пошла в свой дачный домик. После истопила баньку, похлестав себя берёзовым веничком, испив своего домашнего резкого квасу, поужинав, улеглась спать. Так вот получалось, что последнюю ночь жил кабачок на природе. И он разговорился с жителями огорода:

— Вот, морковка, хорошо тебе, ещё до самой осени будешь любоваться миром.

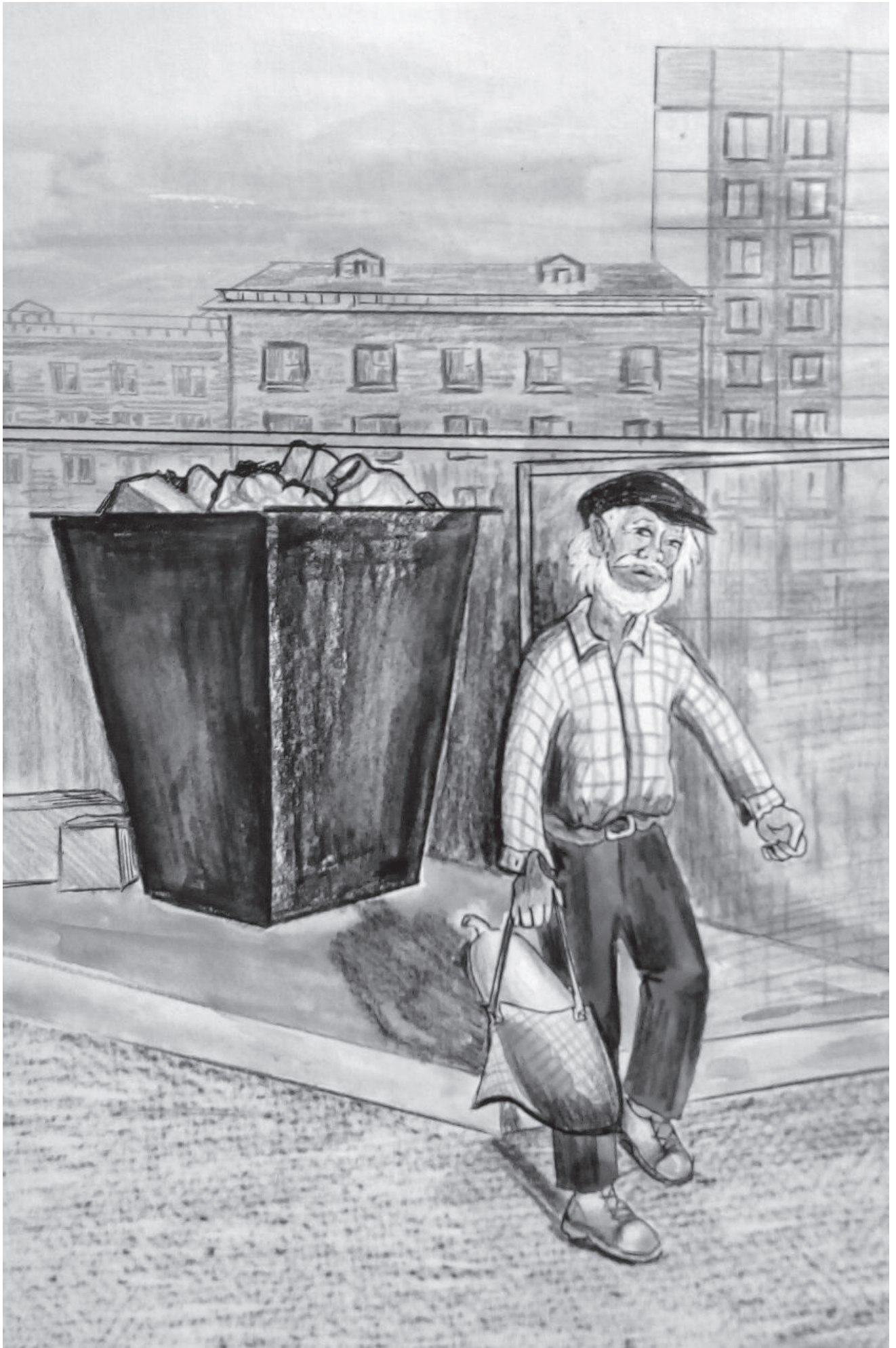
Ничего не ответила на слова кабачка морковка, лишь ветер слегка шевелил её ещё хрупкие стебельки.

Помолчал с минуту кабачок и заметно погрузневшим голосом продолжил:

— И почему так создано? Картошке, свекле до осени жить на огороде и радоваться, а меня завтра привезут в город, пожарят на сковородке и всё - конец радости.

Всполошилась на слова кабачка клубника:

— Ну что ты, кабачок, приуныл? Меня ведь тоже сейчас собирают да едят. Мы для того и созданы, чтобы людей накормить. Лето быстро заканчивается, но у каждого растения свой срок. Не надо печалиться, большой белый кабачок, мир всё же интересен, как ни посмотри. Пока бабушка Лида спит, мы все растём, а как радуется

человек урожаю, и урожай этот мы и есть, это ли не сказочное чудо.

Включился в беседу и смородиновый куст:

— Что тут толковать, кого раньше, кого позже съедят. Главное, что все мы пользу человеку приносим, через нас люди добрее становятся. В нас ведь витаминов не счесть, вот человек поест нас, восстановит свои силы. И нам всем от этого радость. Как же не радоваться, когда ты пользу приносишь маленьким детишкам, бабушкам, дедушкам да родителям этих самых детей?

Так всю ночь и проговорили овощи да ягоды на огороде. А утром, собираясь на автобус, бабушка Лида и вправду срезала большой кабачок. Привезла его домой себе в квартиру и положила под кровать, потому как там было у неё прохладно. Вскоре под кровать наложили больше двадцати кабачков. Наступила осень, потом пришла долгая морозная зимушка-зима. Пришло время, и наступила весна-красна. Кабачки к тому времени были все съедены домочадцами. И вот остался один этот самый разьединственный большой белый кабачок, который думал летом, что его быстро съедят. Заглянула как-то бабушка Лида под кровать, достала кабачок и показалось ей, что он уж портится начал. Попросила внука Прошку, чтобы тот вынес кабачок на помойку. Мальчик вынес кабачок и положил его недалеко от мусорных баков. Лежал кабачок на прохладном весеннем ветру и рассуждал:

— Вот ведь я какой. Думал, что поджарят меня летом, а вышло, что пролежал всю зиму под кроватью и теперь вот на помойке. И выходит, что не послужу я людям.

Вспомнил кабачок про клубнику, смородиновый куст, и от дум таких расплакался:

— Вот, стало быть, пропадаю я, горемычный.

Когда мальчик Проша выкидывал кабачок, то это дело увидел идущий по дороге дедушка Ваня. Жил дед один, жену давно похоронил, два сына его жили семьями отдельно в других городах. Пенсия была маленькой. Потому как трудовая книжка его сгорела в деревянном здании в организации, где он работал. Случилось это перед выходом на пенсию в страшные девяностые годы. Шофёры, его друзья, ходили по судам, восстанавливали документы. А вот дядя Ваня был другой породы, махнул пошукшински рукой и жил, получая крохотную пенсию. Зачастую, бывало, заплатит за квартиру, за свет и почти ничего у него не оставалось. Покупал только самую дешёвую крупу и варил. Так вот. Дедушка направлялся к православному храму и подумал, что надо бы после церковной службы посмотреть выброшенный кабачок. Прошло с тех пор почти три часа. И вот Иван подошёл к тому месту, где лежал одинокий кабачок. Взял его в руки, пощупал, подумал о чём-то. Затем достал тряпичную свою старенькую сумку. И дед уже несёт в сумке поклажу и думает, а кого бояться-то? Никого вокруг нет. Я ж в своей России живу. На своей земле, стало быть. А вслух он меж тем потихоньку рассуждает:

— Вроде, на вид ничего кабачок, но пока не разрежешь, не определишь.

Так неспешной походкой по причине старости, а было ему восемьдесят пять лет, дед Иван доковылял до дому. Поднялся на третий этаж. Сел на диван, померил давление, выпил таблетки. Немного переведя дух, пошёл на кухню. Достал кабачок, разрезал его на доске. Выросший в деревне и знавший военное голодное детство из собственной жизни, дядя Ваня быстро определил, что кабачок годится на еду. Аккуратно, не торопясь, он очистил

кабачок от шкуры. Сделать это было уже трудно, шкура оказалась от залежалости невероятно твёрдой. Но ножи в доме старика были всегда острыми, всю свою жизнь он проработал шофёром, строил Братск с самого его начала, а стало быть, к жизни был приспособлен. Порезав кабачок на кусочки, дедушка сделал на сковородке овощное рагу. Кабачок был большим, поэтому вторую половину кабачка Иван положил в старенький холодильник. Семечки же кабачковые разложил на просушку. Дед говорил так:

— Зубов-то у меня нет грызть семечки, так я их голубям отдам, ух рады будут, шельмы окаянные.

Говорил он эти слова неспроста, шибко любил голубей дед, всегда их кормил и был недоволен, что не все так люди делают.

Насытившись неожиданной жарёхой, дед Иван, помолившись на образа, заснул. В эту ночь он не просыпался от высокого давления и проспал всю ночь, словно младенец.

А в холодильнике лежала уже половинка кабачка, но странное дело, кабачок продолжал думать, но думы его на этот раз были хорошие. Он снова вспомнил про клубнику, смородиновый куст, и размышлял о том, как же правы были его огородные друзья. Мы для того и созданы, чтобы накормить людей...

Деду Ивану снилась его жена, дети. Проснувшись рано утром, он сразу вспомнил о жареном кабачке, достал из холодильника сковородку и стал подогревать. В этот день к нему в гости пришёл его друг Толик, и они вдвоём с аппетитом доели всамделишно аппетитную жарёху. Дед Иван рассказал Толе о кабачке. Нет, не был сильно удивлён словам дяди Вани Толя. Он и сам подбирал выкинутые кабачки...

Сибирский Дервиш

Работал дядя Паша машинистом, росли у него две дочурки – Дуня и Настя. И вот однажды на конечной станции, далеко в Сибири, дядя Паша, выйдя на перрон, увидел несколько рабочих вокзала, громко обсуждающих что-то. Оказалось, диво дивное – в одном из вагонов обнаружили маленького ослика. Как он туда попал? Кто его оставил? Вызвали милиционера дядю Гришу. Рядили, судили, что же в конце концов делать? Да так ни к чему и не пришли. Всем было жалко маленького ослика, и это было немудрено. Лежало маленькое животное на старой, выцветшей давным-давно подстилке. Глазёнки у ослёнка были грустные-прегрустные. И когда дядя Паша достал из своей сумки остатки недопитого молока и напоил ослика прямо из бумажной коробки, столпившиеся вокруг удивительного действия сибиряки улыбались, женщины же, напротив, наблюдали картину жадного поглощения пищи глубоко вздыхая. Часть молока от неудобства, конечно же, проливалась мимо, но подросток распробовал вкусный напиток. Полпакета недопитого молока было осушено осликом за доли минуты. Осмелев и, видимо, пополнив свои силы, он встал на ноги, которые ещё вздрагивали, но взгляд у него был заметно веселее. Людей же особенно волновало и страшило то, как это восточное животное выживет в Сибири, где даже человеку жить очень непросто. И вот дядя Паша решился и предложил, что если никто не против, то он заберёт ослика к себе домой. Милиционер дядя Гриша не возражал. У него, хоть он и был милиционером, было доброе сердце, и он сжалился над осликом.

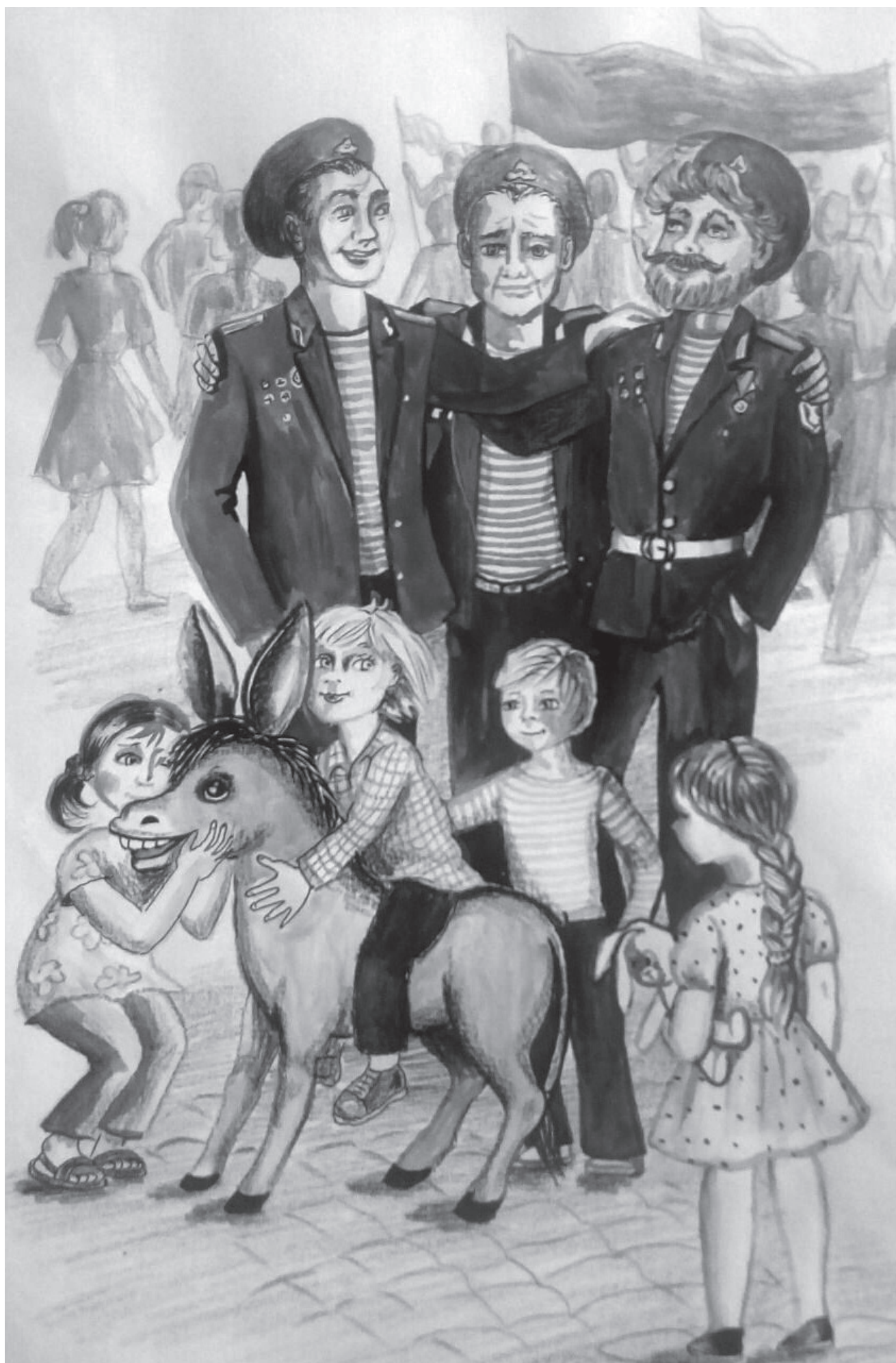
Дядя Паша с семьёй жил как раз в этом небольшом си-

бирском городишке в своём доме. Держали они в тёплом сарае курочек с петухом по кличке Дементий. Неся по заснеженному городку на руках ослёнка, бережно закутанного одеялом, которое из сострадания к детёнышу любезно предоставили женщины, трудившиеся на вокзале, дядя Паша всю дорогу думал, чем же он будет кормить ослёнка. Он, конечно, догадывался, что надо поить ослёнка молоком, но переживал, будет ли ослёнок есть сено, которое он летом накопил для подстилки курам. Когда отец занёс ослёнка в дом, вся семья ещё спала. Подстелив ослёнку старую шубу и налив ему железную тарелку молока, дядя Паша надеялся, что ослёнок будет лежать на тёплой подстилке. Но ослёнок, попив молока и отогревшись, сразу встал на ножки и уверенно стоял на них. Затем, допив остатки молочка из чашки, он всё-таки улёгся на подстилку. Шибко обрадовался этому машинист – устал он в дальней дороге, глаза сами закрывались от усталости, не спрашивая на то дяди Пашиного разрешения. Но, укладываясь на кровать, Павел, позевнув, весело сказал:

– Ничего, гвардеец, молоко пьёшь, значит, дело пойдёт.

И уставший машинист, засыпая, всё же успел подумать о своих доченьках, о том, что они, наверно, удивятся ослёнку.

И вот настало утро. Вернувшаяся после ночного дежурства жена дяди Паши Александра Егоровна, увидев лежащего на шубе ослика, ахнула так громко, что едва не разбудила спящих дочек и мужа. Те немного поворочались, но, слава Богу, продолжали спать, ведь был выходной – для многих людей день под чудным и очень добрым названием «воскресенье». Александра Егоровна даже

немного расстроилась оттого, что так громко ахнула, и сказала:

– Вот ведь растерялась, людей на скорой помощи спасаю, а тут словно маленькая.

Поженились дядя Паша и Александра Егоровна будучи уже тридцатилетними. Любили же друг друга со школы. Её Павел выучился на машиниста, но так сложилось, что и в Афганистане повоевать ему пришлось. Вернулся раненый, отчаялся было. Но Александра долго и терпеливо его выхаживала, очень любя всем сердцем. И ведь выходила до того, что Павел стал работать машинистом. Жили вместе, но детишек у них не было. Когда в их городишке построили православный храм, обвенчались и свершилось чудо – одна за другой появились на Божий свет дочурки.

– Ох, Паша, Паша, сердобольный ты мой! Где же ты огоревал этакую животину восточную, на которой Спаситель в город въезжал, – причитала она.

Затем, сняв пальто, которое было подарено мужем и которое она так любила, потому как сама его выбирала, Александра улыбнулась, вспоминая о том, что однажды посетовала Павлу на то, что-де другие мужья ходят, жёнам подарки выбирают, а он ей принесёт денег и скажет: «Что надо, сама купишь». Егоровна затопила печь и стала варить борщ, который так любил её Паша, но не очень любили дочки. Поэтому для них она натёрла на тёрке кабачок, добавила туда муки с яйцами. Словом, всё приготовила для оладий. Дивилась потихоньку вслух русская женщина:

– Ну надо же, у нас в Сибири кабачки стали расти, раньше ведь сроду не ведали о том. А нынче – гляди-ко, под кроватью храню, и ничего.

Говорила же Александра Егоровна по-деревенски, от души. На работе она, конечно, разговаривала со всеми по-городскому. Но дома – только по-деревенски. Дядя Паша не раз выговаривал жене, зачем-де это. Но Александра продолжала разговаривать дома именно тем языком, которым разговаривала её бабушка Параскева Даниловна. Почему-то веровала Александра, что, разговаривая бабушкиными словами, она оберегает свой дом от напастей. Дочки проснулись одна за другой от вкуснящего-превкуснящего духа готовящихся оладушек. Увидев спящего отца, они просыпались тихо, так их учила мамочка. Сладко потянувшись, позевав маленько, враз обе вскрикнули, потому как в комнату через занавеску просунулась голова ослика. От этого проснулся и отец. Громко рассмеявшись, Павел весело заговорил:

– Ну чего, мои птахи, напугались? Ничего, гвардейцы, прорвёмся! Принимайте нового жителя восточного. Я в Афганистане повидал такого добра.

Девчушки, спрыгнув с кровати, принялись быстро одеваться. Дом ещё не был хорошо натоплен, поэтому Дуня и Настя торопливо натягивали овечьи носки, связанные ещё их прабабушкой. Они как чайки на рыбу набросились на ослика, гладили его, придумывая имя подростку. А Александра, глядя на ножки дочурок, на которых были надеты бабушкины носки с красивым рисунком, вспомнила, как Параскева Даниловна их вязала. О том, как, когда они ещё жили в деревне, бабулька стригла овец, пряла пряжу. От этих мыслей Александре стало немного тревожно – завсегда так у русских людей... Подойдя к образам, Егоровна перекрестилась.

Отец сходил в сарай, принёс охапку сена, положил возле ослика. Тот, долго не раздумывая, начал смешно его

жевать. В огороде рос старый куст смородины, и Павел давно, ещё по осени, хотел его убрать. Теперь, отломив несколько веточек, счастливый отец наблюдал, как восточный житель жуёт и их.

В понедельник поглядеть на ослика пришёл весь второй класс, в котором училась Дуся, вместе с учительницей. Во вторник пришёл весь Настин третий класс. Дети несли ослику печенье, конфеты и даже лимонад, но лимонад ослик пить не захотел. Словом, весть о диковинном животном быстро разлетелась по городку и об этом написали в местной газете. Долго решали, как назвать ослика. Настя предлагала назвать Щеночком. Александра удивлённо спросила:

– Дочка, почему Щеночком?

Настя, сидя на кровати и обняв свои коленки, сказала:

– Ну мамочка, просто хочу Щеночком назвать, и всё.

Дуня предлагала назвать Байкалом, мама – Найдёнышем. Отец, весело оглядев домочадцев, заговорил:

– Знаете, мои хорошие, нужно уважать обычаи тех народов, откуда прибыл к нам ослик, потому давайте назовём его Дервишем.

– Ой, папочка! А что это такое? – спросила Дуня.

Тут же об этом спросили мама и Настя. Павел снова улыбнулся:

– Ну, это у них странствующие бродяги, нищие, словом, от Бога люди.

Так ослик стал зваться Дервишем, и имя ему сразу понравилось. Это было видно сразу, потому что ослик, как только его окликали, быстро поднимал свою вислоухую головку и шёл к позвавшему. Быстро прошла зимушка-зима. Всё это время ослик жил прямо в доме, а не в сарае, и за зиму и весну сильно подрос. Летом Дервишу

нравилось ходить с девочками по зелёной травке. Они путешествовали с ним, словно он собачонка, а ослик и вправду был словно собачка. У дяди Паши был свой уазик, и потому летом семья брала Дервиша на рыбалку, по грибы и ягоды.

Прошёл ещё один год, и на 9 Мая дядя Паша, надев форму десантника с боевыми наградами, задумал взять с собой Дервиша. Накинул на него флаг России и вместе с дочками пошёл на парад. После парада на Дервише катали маленьких детей, всем хотелось покататься, пофотографироваться. Дядю Пашу друзья-десантники звали в кафе выпить боевые сто грамм и отведать традиционной гречки с тушёной. Но дядя Паша не мог отказать детям родного сибирского городка в удовольствии покататься на Дервише. Тогда братья-десантники принесли сто грамм с кашей дяде Паше прямо на бульвар. Не забыли они и про Дервиша, угощая трудягу солдатской кашей. Такая вот наша Сибирь-матушка, таковы её жители – СИБИРЯКИ...

Тимофейка

Три берёзки, посаженные из одного корня, росли, росли и, как уж водится на белом Божьем свете, выросли. Да такие стройные, словно по Шукшину, всамделишно невестушками смотрелись, радовали глаз людской. Рядом с берёзками вырос огромный тополь. Совсем близко располагался большой бассейн, куда много лет из всех школ возили на автобусах школьников. Народ наш добрый сердцем, а попросту – сердобольный он, народ-то наш, так уж повелось, потому, когда случалось, что автобус не приезжал, вышагивали ученики пешком, весело говоря о чём-то. Зачастую так в молодости и бывает. Рядом с бассейном располагался Дом культуры. Время так шло себе и шло, рождались и умирали люди. В вечной круговерти времени кто-то спешил на работу, в садик, школу, институт, училище. Да мало ли куда надобно всегда суетному человеку спешить?! Но настали страшные девятые годы, о коих не упомянуть невозможно, ибо нестерпимо много страданий принесли эти страшные для нашего народа годы...

Как же радовались многие поколения школьников, купаясь в бассейне! Но его закрыли взрослые дяди и тётки, потому что так они решили. И стало здание ветшать не по дням, а по часам. Известное дело, без человеческого догляду никудышным становится любое жилище. Бассейн, конечно же, не жилище, но и он пропадавал на глазах. Выросшие давно школьники стали родителями, дедушками и бабушками. Проходя мимо бассейна, они всегда грустили о былом их счастливом детстве, а оно и было таковым.

В одной простой семье рос мальчик Тимофейка. Папка его Владимир Сергеевич, оставшись без работы, стал сильно пить спиртное, известное дело, отсюда и ругань в доме появилась. Мама Тимофея, Нина Демьяновна, терпела и жалела мужа. Тимофей учился в третьем классе и уже второй год занимался в детском хоре Дома культуры. Часто ночевал он у бабушки Веры, которая пекла самые вкусные на свете пироги с капустой и картошкой. Каждый раз, идя на репетицию, Тимофейка останавливался возле трёх берёзок и просил их, чтобы они помогли. Просьбы его были таковыми: чтобы не пил отец, не плакала мамочка, не болела бабушка. А ещё он просил, чтобы на репетиции дети вели себя лучше, не огорчая учителя музыки. Заметил Тимофей, что когда учитель начинал ругаться, то и пели все хуже. Мальчик, конечно же, знал всех участников хора, с двумя – Серёжкой и Вадиком – дружил. Знал он и о том, что в семьях друзей творится то же самое, что и у него, а именно, что взрослые их родители ругаются. Потому однажды, после репетиции, он подошёл к учителю музыки и сказал: «Валентина Фёдоровна, вот вы на нас кричите, и дома родители ругаются на нас и между собой из-за того, что наши папы не могут найти работу. Получается, что в школе мы стараемся учиться хорошо, а вы, взрослые, постоянно ругаетесь. Я не хочу становиться взрослым!».

Тимофей опустил голову и тихонько пошёл к выходу из помещения. Из накрашенных глаз Валентины Фёдоровны покатились слёзы. Она догнала мальчика, опустилась перед ним на колени, обняла, взволнованно говоря: «Всё правда, Тимофей, всё правда, я постараюсь больше не кричать на вас». Мальчик, словно тростиночка, стоял и, как взрослый, серьёзно смотрел в глаза своему учите-

лю. Затем в его личике что-то изменилось, но что именно – Валентина Фёдоровна не заметила, потому что в помещении было темновато из-за экономии электроэнергии. Тимофей тихо сказал: «Не плачьте, Валентина Фёдоровна, я совсем не хотел, чтобы вы плакали. Перестаньте, пожалуйста, плакать, вы очень хороший учитель музыки. Я, когда с репетиции иду, пою: «С голубого ручейка начинается река, ну а дружба начинается с улыбки». Мне хорошо делается после такой песни, эта песня как добрая-добрая сказка. Вот если бы взрослые соблюдали то, о чём поётся в песнях, таких по-настоящему чудесных!..». Проходившие мимо них работники культуры удивлялись увиденному, словно только что посмотрели спектакль.

Однажды, идя на репетицию, Тимофей увидел, как с крыши бассейна летит старый шифер и попадает прямо на его любимые берёзки. Крона берёзок была повреждена, были искалечены и нижние ветки. Работала на здании бригада таджиков, и Тимофейка закричал на них:

– Вы почему моих сестрёнок обижаете?!!

К нему подошёл толстый таджик и спросил по-русски:

– Каких сестрёнок?

Тимофей громко и очень взволнованно прокричал:

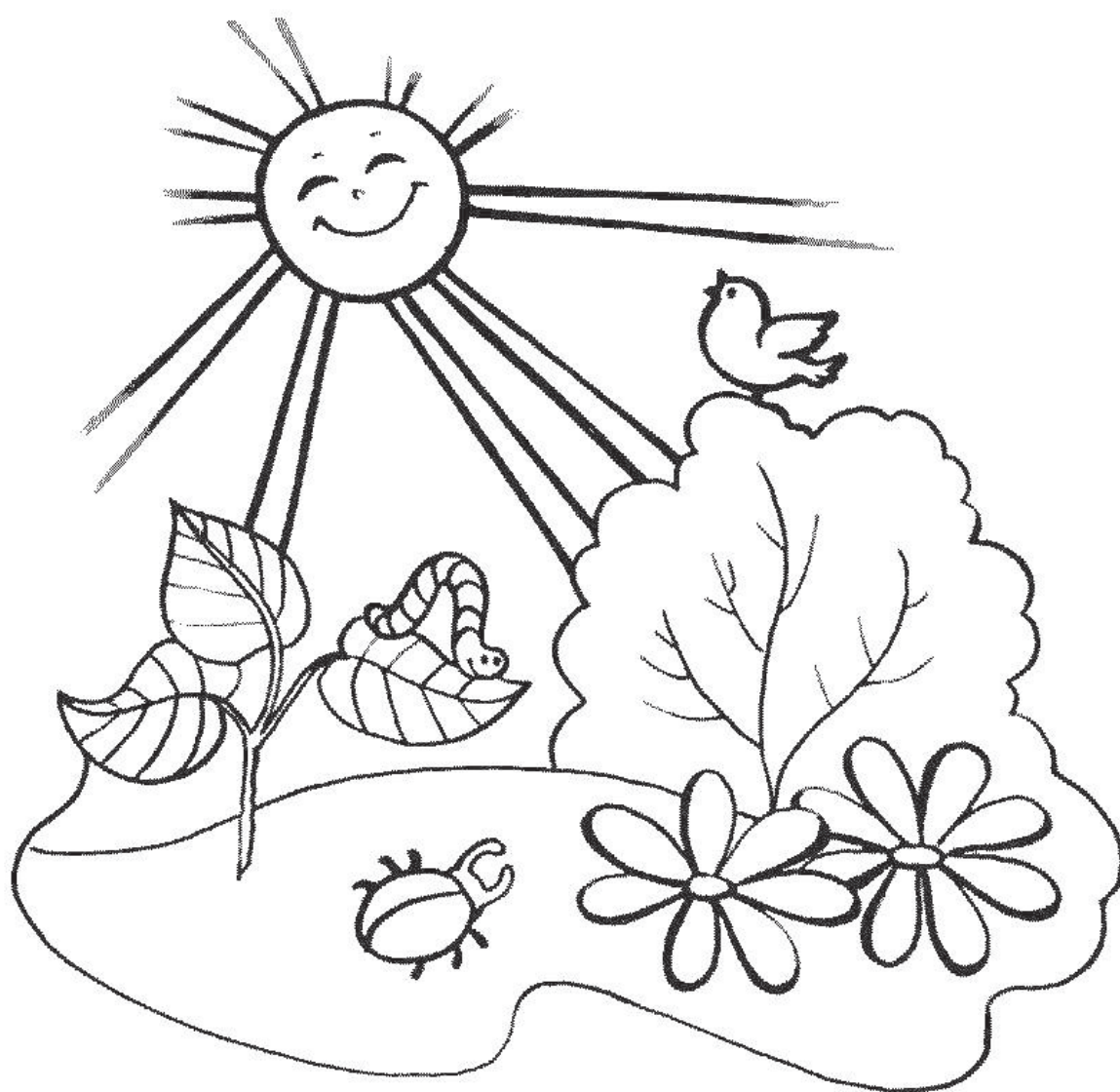
– Ну вот же, как вы не видите, три берёзоньки-сестрички погибают.

Улыбнулся таджик, что-то по-своему сказал рабочим.

Вскоре здание было отремонтировано под что-то и, когда асфальтировали всё вокруг, опять же, по просьбе Тимофейки, берёзки не тронули. Удивлялся Тимофей ещё и тому, какие красивые песни учили строители, а учили они старые советские песни. В современном мире таких песен не было, и он очень радовался тому, что есть на бе-

лом свете эти самые лучшие старые советские песни для детей и для взрослых.

Каждый раз, идя на репетицию, Тимофейка останавливается возле трёх берёзок-сестрёнок, просит их о чём-то своём, детском. Просит также и рядом растущий огромный тополь, чтобы защищал берёзки. Самая большая мечта мальчика о том, чтобы папка его не пил и нашёл работу. А ещё Тимофейка по-прежнему не хочет становиться взрослым...

Василёк на вертолётe

Голоштаный Васька, которого все называли Васильком, прыгал и всё никак не мог допрыгнуть до высоченной старой деревенской кровати, на которой после обеда задремала его мама Анастасия Андреевна.

День, как и обычно в деревенской жизни, выдался у Анастасии труднёхонек. Встала в три утра, вскоре прогнала на выпас корову. Щи к тому времени уже были готовы. Обжигая нутро, муж Игнат хлебал, дуя на деревянную ложку. Сколько уж раз дивилась Настасья – ну подождет бы чуток, пока остынет, нет – именно, чтобы с пылу с жару надобно её мужу. Проводив Игната на работу, Анастасия наконец присела на лавочку. Была она брюхатой да на девятом уж месяце. Вот потому после обеда и прилегла отдохнуть. А если бы не брюхатость, ни в жизнь бы не прилегла без времени. Василёк, попрыгав и поняв, видимо, что не допрыгнуть ему до высоченной кровати, расстроился и захныкал. Причиной тому оказалось что ни на есть обыкновенное житейское дело. На лужайке, возле дома, был привязан их телёнок, у которого пока ещё не было клички. Василёк, выйдя после обеда на крыльцо, постоял немного, подражая отцу, хлопал себя по пузу. Затем отправился на лужайку и от увиденного широко открыл рот: палочки, к которой был привязан телёнок, не было, не было и верёвки, не было, наконец, и самого телёночка.

Васе было уже пять лет, но разговаривал он ещё почему-то совсем плохо. Так уж было в их родове, что поздно начинали разговаривать. Вот потому он и пытался теперь допрыгнуть до кровати, пытаюсь сообщить матери о про-

паже. Но вот беда – в их родове не только начинали разговаривать поздно, но и росточка все были махонького. Мальчик, устав и переволновавшись, заснул прямо на полу. Приснилось ему, что папка его Игнат Иванович, узнав, что пропал телёнок, прилетел с председателем колхоза на вертолёте, взял с собой Василька и они вместе облетели все поля и леса. Василёк всё показывал пилоту своей ручонкой, куда мог убежать любимый телёночек. Вдруг сквозь сон мальчик услышал слова матушки Анастасии Андреевны: «Ох, горе-то какое, Василёк-то прямо на полу заснул. Не застудился бы, родненький». И мать стала поднимать сына с пола. Вася проснулся и вдруг совершенно чётко и членораздельно, чего не наблюдалось ранее, спросил: «Мама, а телёночка нашего на вертолёте нашли?». Анастасия Андреевна от услышанного открыла рот. Затем, посадив сынишку на кровать, подошла к образам, помолилась и сказала вслух: «Слава тебе, Господи, заговорил. А люди-то говорили... Но что теперь об этом толковать». Затем, поглядев на Васю, спросила:

– Постой, о каком это ты вертолёте, сынок, баял?

Василёк, окончательно проснувшись, сказал:

– Ну как же, маманя, мы с тятёй, председателем и пилотом полетели на вертолёте телёночка нашего искать!

– Затем, смутившись, продолжил:

– Только вот я заснул чего-то и не упомню, нашли или нет.

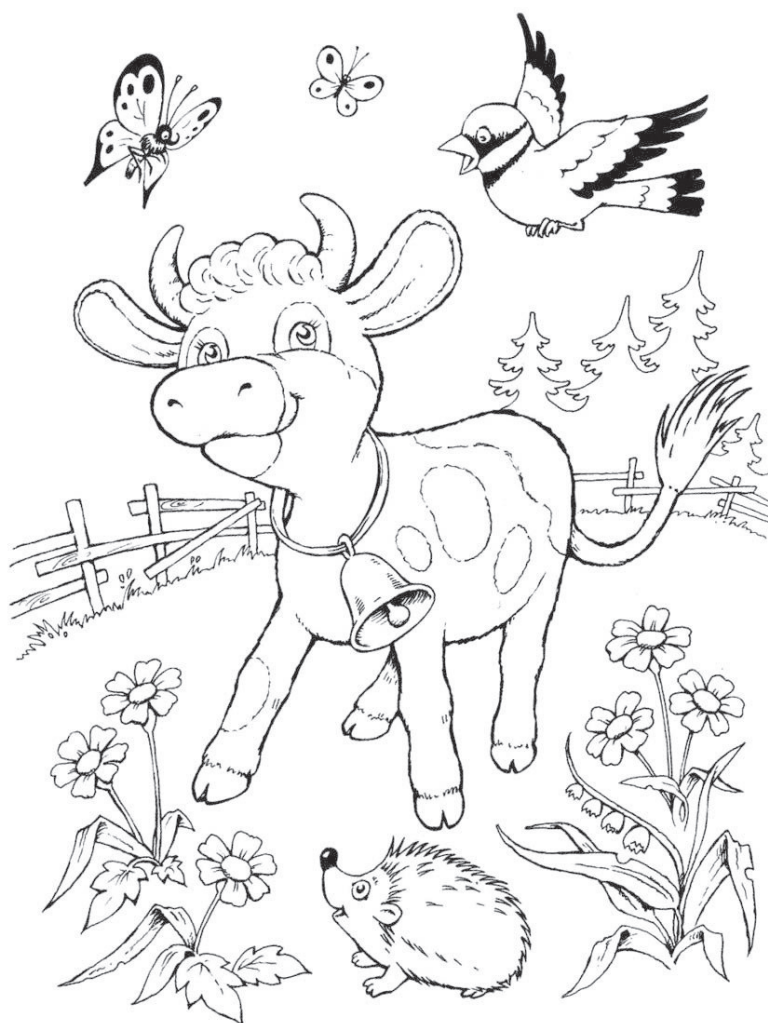
Мать, спохватившись, выбежала на крыльцо. Их телёнок, с верёвкой на шее и лежащей на зелёном полотне земли палкой, стоял возле резного крыльца, тыкаясь головой о приступок. Анастасия Андреевна, погладив телёночка, тут же и дала ему кличку, назвав Потеряшкой. Потом, подумав, переименовала имя, рассудив так: «На-

зовёшь Потеряшкой, будет постоянно теряться. Лучше уж Верным назвать, ведь пришёл же он к крыльцу-то нашему – стало быть, Верный и есть». Вбив вновь палку в землю в этот раз покрепче прежнего, мама с сыночком сели на лужайку и, весёлые, глядели на Верного. Толь-

ко вот Василёк поначалу слегка поспорил с мамой — говорил, что, может быть, всё же лучше Потеряшкой назвать телёночка. А выслушав доводы мамулечки, быстро согласился с ней. Вечером вернулся отец и, узнав, как он на вертолёте с председателем искал телёночка, засмеялся на всю избу, да так громко, что куры на насесте и то встревожились, закудахтали.

Радость отцова была ещё и от того, что Василёк его наконец заговорил, а стало быть, порода их продолжается. И, подойдя к образам, Игнат Иванович стал молиться. Не слышны были его слова, произносил он их про себя. Но совсем не трудно догадаться, о чём они были...

Изюмная улыбка

Солнышко с раннего-прераннего утра, когда ещё на листочках деревьев роса даже не думала падать на землю от ветерка или высыхать от жаркой погоды, наблюдало за жителями одного ветхого-преветхого деревенского дома. А точнее, был не дом, а маленькая покосившаяся избёнка. Жили там дед Еремей, бабушка Полина, были они уже шибко старенькие. От того дед не мог уже подправить родную свою скособоченную избёнку. Утром, выходя на крыльцо, тяжело вздыхал дедушка Еремей Дормидонтович, сетовал на старость и говорил:

— Вот бы годков хошь бы десять сбросить, видно, помирать так и придётся, не подправив домишко-то...

Но нынешнее утро всё же отличалось от предыдущего, ибо сегодня к старикам должен был приехать на мотоцикле из соседнего села внук Миша — поколоть дров, да не один обещал приехать, а привезти с собой своего сынишку Матвея. Радовалась бабка Полина Пантелеевна, что увидит нынче своего правнука — пятилетнего Матвейку. В четыре утра поднялась бабушка, чтобы порадовать и вкусно накормить внука и правнука, слепила колобок — всё там было внутри: изюм, абрикос, чернослив. И ко всему эдакому чуду был колобок творожным. Сделала старательная Пантелеевна и глазки колобку из чернослива, и носик из абрикоса, и улыбающийся ротик из изюма. Затопила русскую печь. Вот в этот самый момент и увидело в окне старенькой избёнки красно солнышко колобка. И пока бабка копошилась по хозяйству, солнышко заговорило с колобком: — Понравился ты мне, колобок, особенно твоя изюмная улыбка, только вот беда,

скоро тебя съедят. Я уж вижу внука стариков Михаила, как он заводит мотоцикл с коляской, и Матвейка в коляске сидит. Вздохнул грустно творожный колобок и тихо, чтобы не услышала хозяйка худой избёнки, зашептал:

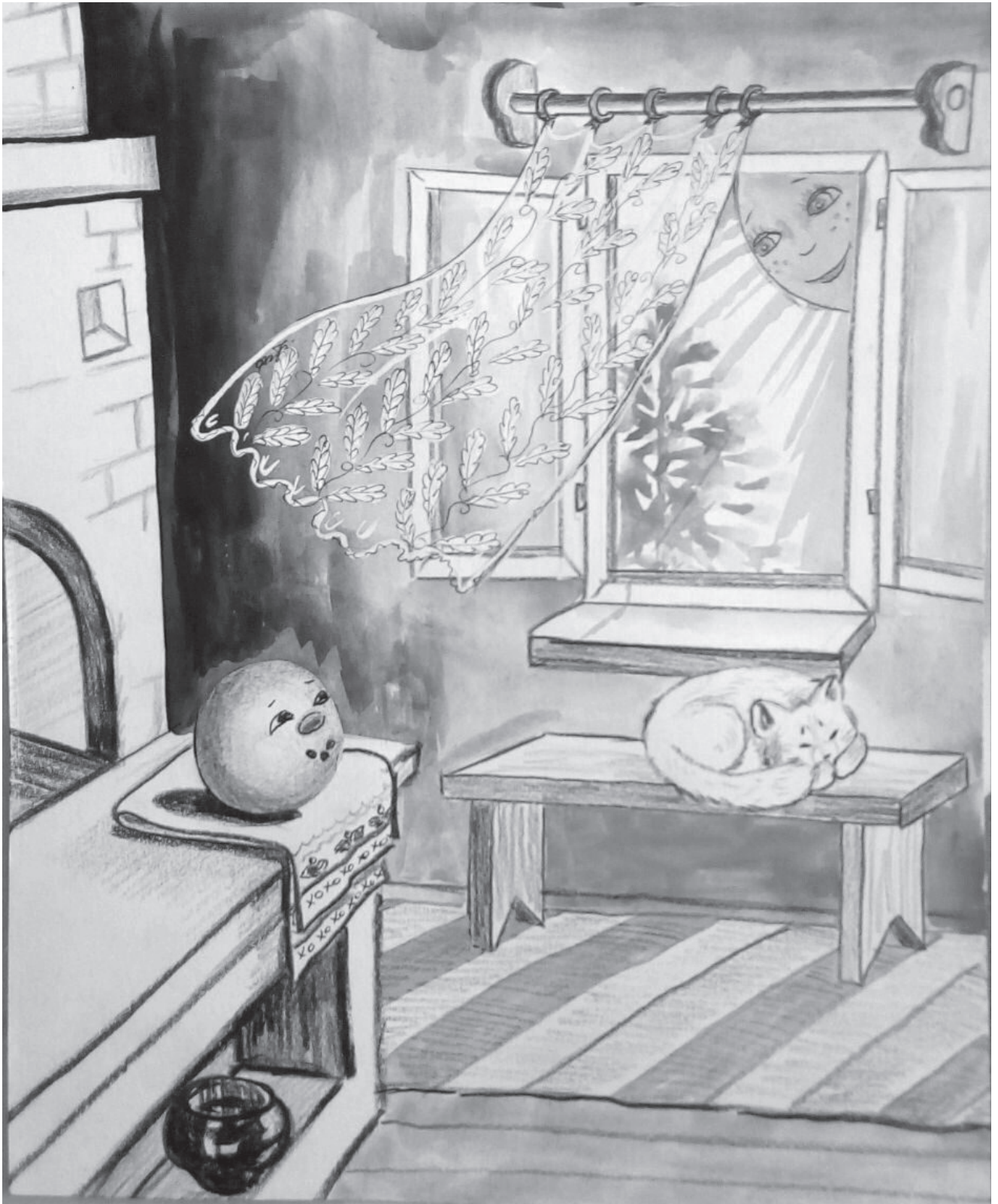
— Так меня, солнышко, для того и слепили. Наедятся меня человечки, довольны будут. Матвейка вырастет, а всё равно будет вспоминать, как у деда с бабкой колобком лакомился. Мне очень приятно, что ты меня жалеешь, солнышко. Только ведь меня покушают, и люди будут сыты. Стало быть, я даже за то крохотное время, что живу на белом свете, успею сделать добро.

От таких слов колобка солнышко даже прослезилось, и на прощание добродушным голосом тоже, как и колобок, прошептало:

— Удивительно создано всё на земле.

И хотя слова солнышка были сказаны шёпотом, их слышали облака и согласились с солнышком, слышал их ветер, и тоже согласился с солнышком. А когда наступила ночь, и на небе загорелось великое множество звёздочек, то оказалось, что они тоже слышали слова солнышка и сразу радостно одобрили такие добрые, простые, сказочные слова.

Но на этом эта история не заканчивалась, она ещё немножечко продолжалась. Потому как слова солнышка слышали все лесные звери, все рыбы в океанах и реках и даже домашние коты и собаки. И вот ведь какое чудо — тоже одобрили слова солнышка. А когда солнышко об этом узнало, ему стало уже не так грустно. Но окончательно подняло настроение солнышку то, что оказалось, что Матвейка повёз колобка своей мамочке и маленьким братикам и сестрёнкам. А рассказала доброму солнышку об этом ещё не упавшая с листьев роса.

Сопушка и белое облачко

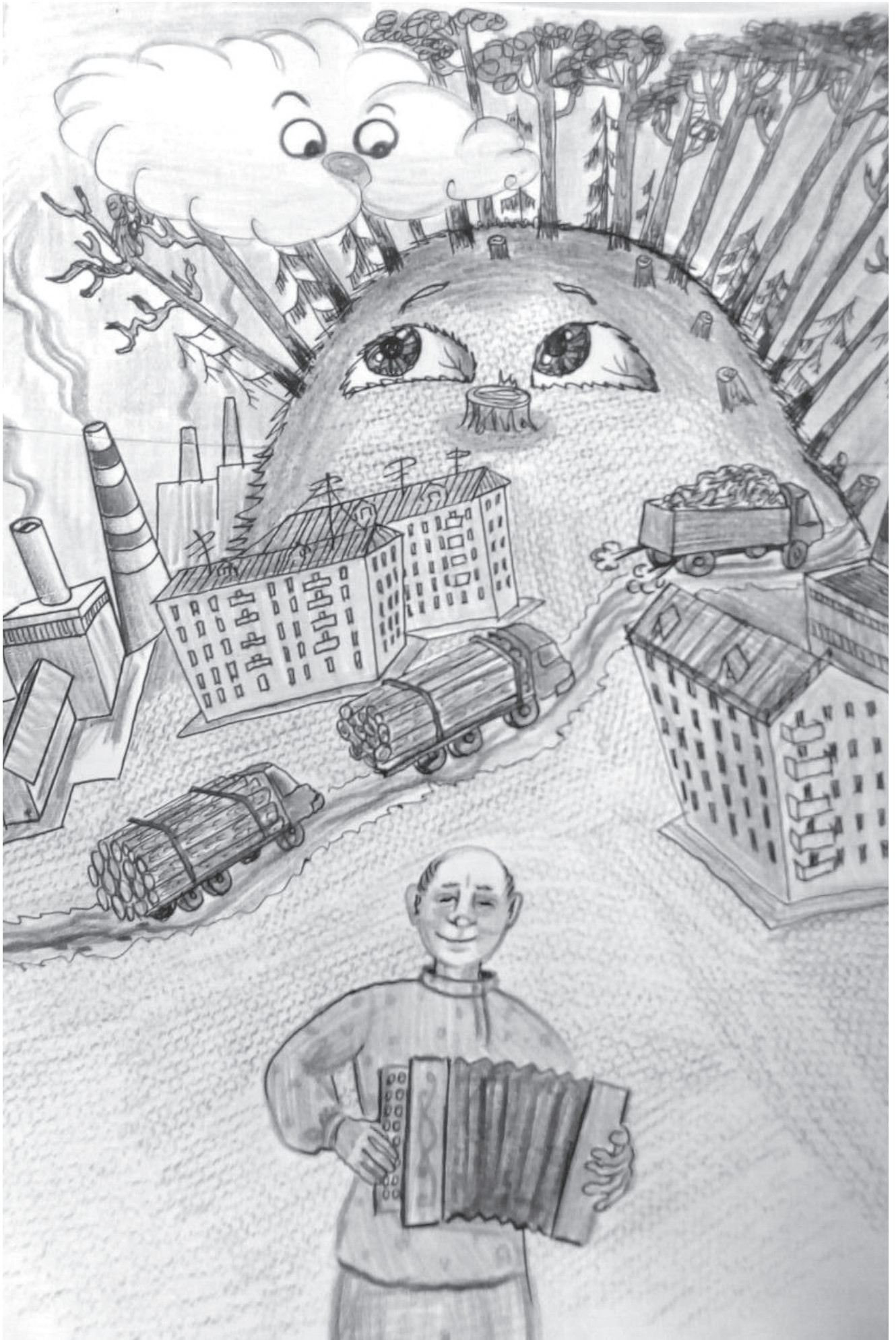
Рано утром огромная сибирская сопка, на которой росли трёхсотлетние сосны, была сплошь окутана туманом. Этот туман, потому как был сибирским, охлаждал бредущих по посёлку людей. Кого-то родители вели в садик, другие дети правили свой путь в школу. Взрослые, как всегда в этой жизни, спешили на работу, да и у пенсионеров находилась масса дел. Словом, трепыхается человек, куда, стало быть, жив...

Сопка много лет наблюдала за людьми, больше ста лет назад из её нутра добывали руду. Было это ещё в царские времена. Потом забросили добывать руду, и долгое время сопка жила, довольствуясь небольшим поселением людей. На природной этой огромной возвышенности росло премного разной ягоды, грибов, жило много рябчиков, глухарей и разной другой лесной живности. Так уж устроено всё в природе, чтобы человек был не голоден. Прошли года, недалеко была построена огромная плотина, дававшая электрический ток людям, вырос молодой город. И вот все эти столетия раз или два в месяц к сопке прилетало белое облачко, и они разговаривали. Вот и в это зимнее утро, когда щебетанье птиц уже предшествовало весну, облачко вдруг грустно спросило у сопки:

— А помнишь, как много было ягод и грибов на тебе, Сопушка моя, подруженька любезная? Как люди набирали столько всего, что от наполненности вёдер и корзин валялись излишки у них на землю?

Глубоко вздохнув, сопка молвила:

— Как же мне приятно, что ты меня Сопушкой зовёшь, ласково звучит, слух радует мой, а ведь меж тем видишь, какая я огромная.

Ещё раз глубоко вздохнув, сопка продолжила свою речь:

— Как не помнить такое. Но понимаешь, облачко, раньше сколько ни брали ягодки да грибочки, всё равно всем хватало с лихвой. Потому как людей мало здесь жило — в Сибири-то нашей. Мне всегда птичек жалко было, которых охотники убивали с ружей своих, но это им на пропитание шло, хотя и

не были они голодны. Когда люди плотину построили, я ещё старалась — кормила людей своими лесными дарами. А они — что сделали люди? Леса на мне много вырубili, свиноферму построили, вышку телевизионную да вдобавок лыжню устроили. Теперь зимой катаются на лыжах, на санках. Радуются взрослые да дети, а вот накормить их ягодками да грибочками по лету я уже не смогу.

Грустно вздохнув, сопка замолкла. Белое облачко очень любило свою подругу сопку, потому, наверное, стало её успокаивать:

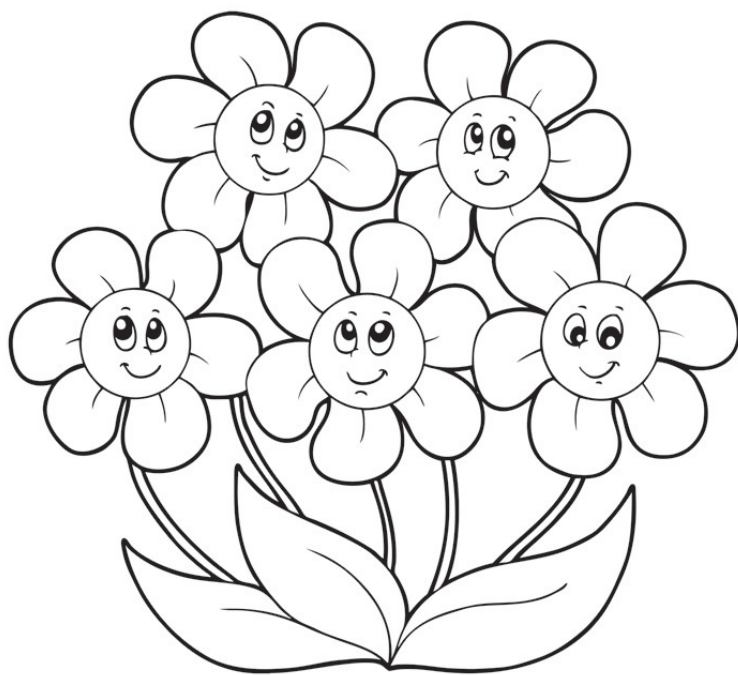
— Не печалься, Сопушка ты моя. Я ведь по всему белу свету летаю, всё-то я вижу. Тайга у нас в Сибири огромная, люди на машинах едут и находят ягодки, грибочки. А ты, дорогая моя Сопушка, радуйся тому, что не все

ещё сосны на тебе повырубали люди, всё равно – какая-никакая, а отдушина это для тебя. Рядом с посёлком ты стоишь и видишь – уже по-другому служишь людям.

Подняла свои большие глазищи сопка, поглядела на белое облачко и вдруг улыбнулась: – А знаешь ты, облачко, что в тех местах, где не вырубил лес, люди хоть и немного, но находят грибочков, радует это меня очень. А в одном месте две девочки двухлитровую банку голубицы насобирали в прошлое лето. Всё равно я людям нужна, люблю я каждое утро глядеть на людей с высоты. Всех примечаю, за всеми слежу. Вроде, недавно в садик мальчик один ходил, а теперь ему уж пятьдесят два года, сказки для детей пишет. Интересная она – жизнь всё-таки бывает. Как думаешь, облачко?

Но облачко не успело ответить сопке, потому что появился ветерок и понёс облачко дальше, но белое облачко успело прокричать подружке:

– Ты только, Сопушка, не печалься!..

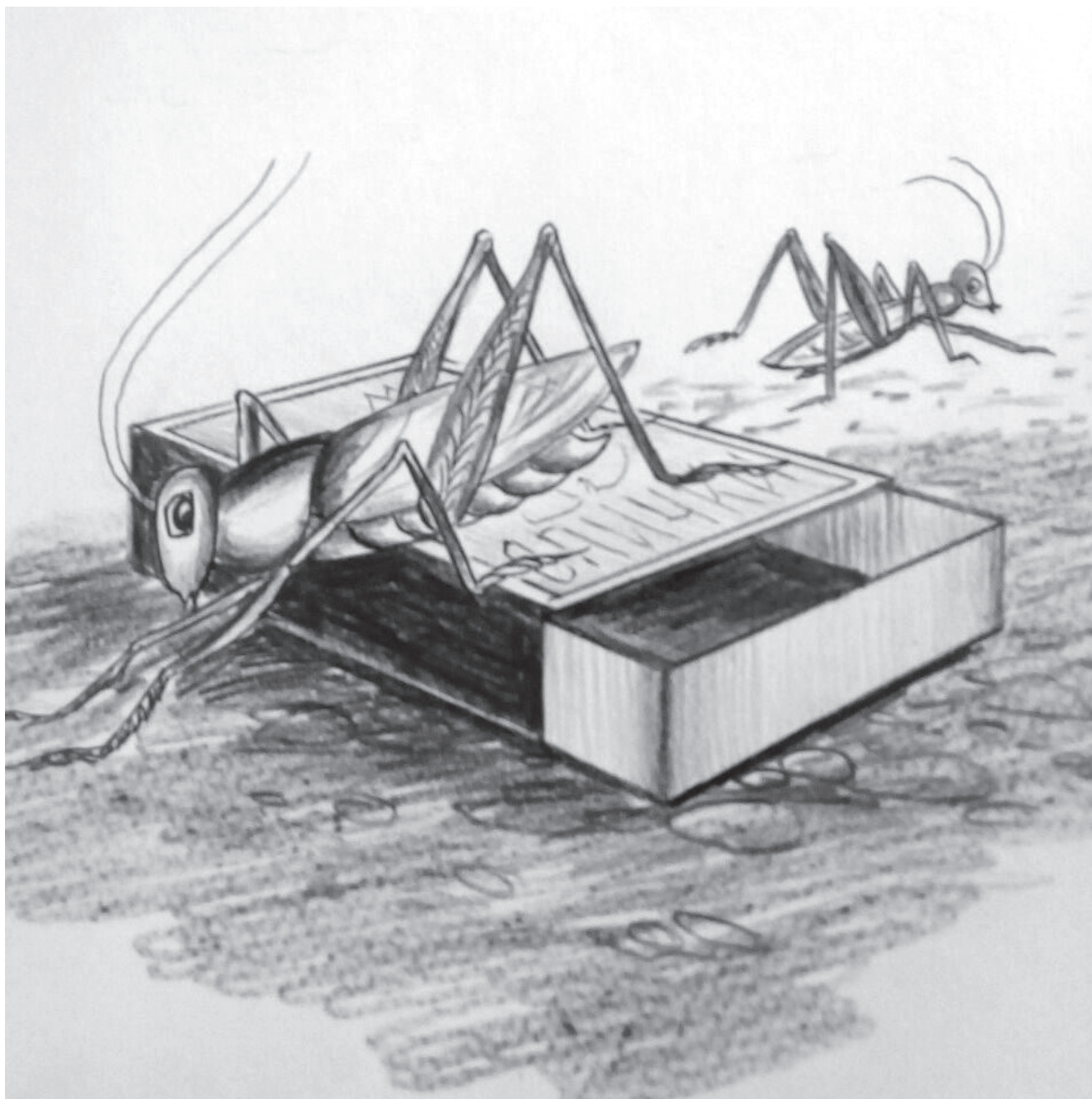
Кузнечик в спичечном коробке

Кузнечик стрекотал целыми днями на солнышке, то и дело перелетая с одной зелёной полянки на другую, и столько его собратьев вторили ему этим звуком, что кузнечику казалось, что это целое кузнечиково войско и что никакая беда не может случиться. Но вдруг появились человеческие ладони, и кузнечик, совсем того не ожидая, был пойман. Его затолкали в спичечный коробок, где уже томились в неволе такие же, как и он, кузнечики. Один кузнечик, пойманный раньше всех, рассуждал:

— Это мальчик Андрей с братом Володей нас ловит. Мы теперь наживка для рыб.

И действительно, старший брат Владимир завёл свой мотоцикл «Восход», и они поехали ближе к плотине Братской ГЭС. Там, внизу, было довольно большое течение. Один из находящихся в спичечной коробке кузнечиков был насажен на крючок, и ему было больно-пребольно, но два брата не слышали его жалобного стрекотания, потому что кузнец, вмиг обессилев, уже был заброшен в большое течение реки Ангары, где совсем вскорости был схвачен рыбой под названием елец. Рыба ловилась здорово, и было наловлено целое большое ведро крупного ельца.

Довольные братья, от радости забыв на каменистом берегу Ангары спичечный коробок, уехали на мотоцикле, чтобы порадовать родителей своим уловом. Коробок оказался слегка приоткрытым, и оставшийся один наш кузнечик, напрягши все свои кузнечиковы силы, еле-еле вылез на долгожданную свободу. Он даже и не понял, почему остался жив. Дело меж тем было так: в коробке, кроме него, не осталось ни одного кузнечика, и он, ока-

завшись в самом углу коробки, остался незамеченным. Только потому, что мальчик Андрей выдвинул коробок не до конца. Это и спасло нашего кузнечика.

Кузнечик, вновь увидев солнышко, очень обрадовался ему. И почему же он раньше не радовался солнышку, как теперь? И маленькому насекомому подумалось о том, что надо радоваться каждому дню, и он обязательно с этой самой секунды начнёт исправлять свою ошибку. И расскажет обо всём, что с ним случилось, собратьям-кузнечикам.

Лимонное деревце и яичная скорлупка

Жило себе маленькое привитое лимонное деревце. Ну, сколько их — таких деревцев? Да сроду не сочтёшь, потому как это невозможно. И опять же это очень хорошо. «А почему?» — спросит любопытный человек. Да в том-то и дело, что не всё надобно человеку знать. Жило оно, жило, в Сибири жило. Попало как-то в город Братск в далёкие восьмидесятые годы. Знамо дело, росло, и пересадили лимонное деревце в ведёрный горшок. Стоит себе на подоконнике широченном, специально сделанном для него. А тут и лимончики стали расти. Да такие большие — с полкило и даже больше. Увидала соседка Александра эдакое действо, попросила росточек у хозяйки лимонного дерева. Дико это было тогда в Сибири, чтобы лимоны росли. Так хозяйкой маленького росточка, то бишь детёныша лимонного деревца, стала тётя Шура. Стал росточек расти, а секретом к его росту служила подкормка, состоящая из воды, настоянной на яичной скорлупе. Правда, после такой полезительной для деревца поливки по всей квартире распространялся очень неприятный запах, но он, к счастью, быстро улетучивался. Домочадцы — две дочки и муж — терпели, потому как уж больно хотелось им отведать своих лимонов. А когда все в квартире спали, скорлупка улыбалась молодому деревцу и говорила:

— Вырастешь скоро ты большим, и так, как и твоего родителя, тебя пересадят в большое ведро.

Не верило молоденькое лимонное деревце словам скорлупки. Но так случилось, что яичная скорлупка ока-

залась права. Тётя Шура жила на первом этаже пятиэтажного дома, и у неё тоже был специально устроен широченный подоконник для выросшего уже к тому времени лимонного деревца. А дело было так: принёс муж Борис, работавший в леспромхозе, уже обработанную отшлифованную доску, прибили её к подоконнику плашмя, покрасили, и получился таким образом широкий подоконник. Жила семья до этого в бараках, молодой город строился, дали в новом доме двухкомнатную квартиру. В бараке все жили дружно, также дружно переехали в пятиэтажки. Все соседки очень любили Александру за гостеприимность, за её вкусные пирожки, а особенно у неё получались супы. Прибегут бывшие барачные соседки и говорят:

— Дай, Шурка, суп твой пошвыркать, уж больно вкусный он, зараза!

Поев, дивились на лимоны, просили отростки. Дом располагался на виду. Идут на завод или в магазин сибиряки, видят этакое диво-дивное и глазам своим не верят: в Сибири, где морозы зимой бывают выше сорока градусов, лимоны настоящие на подоконнике растут! Стали люди заходить к тёте Шуре, просить росточки. Женщина она была очень добрая, потому и раздаривала людям лимонные росточки, вовремя отсаженные в горшочки. Хотя ей строго-настрого советовали некоторые соседки, что этого делать нельзя. Дескать, не будут у неё расти лимоны, если она будет их раздавать. Но поих не вышло. Сибиряки — народ особой породы, это прям национальность — сибиряк, так даже шутили люди. Стали у людей расти большие лимоны в Сибири нашей, ведь Александра делилась секретом со всеми: что-де поливайте деревце настоянной ангарской водой на скорлупе яичной. У

самой тёти Шуры росло уже несколько лимонных деревьев. Сибиряки не забыли простоту этой женщины. Те, кто работал в леспромхозах, везли доброй хозяйке ящики с яблоками, мандаринами, апельсинами и арбузами. Такие угощения в те времена были знатными. В такие жизненные моменты весь их подъезд угощался фруктами, любил муж добродушной хозяйки Борис Семёныч угощать детей, а когда те хрустели яблоками, он, улыбаясь, им говорил:

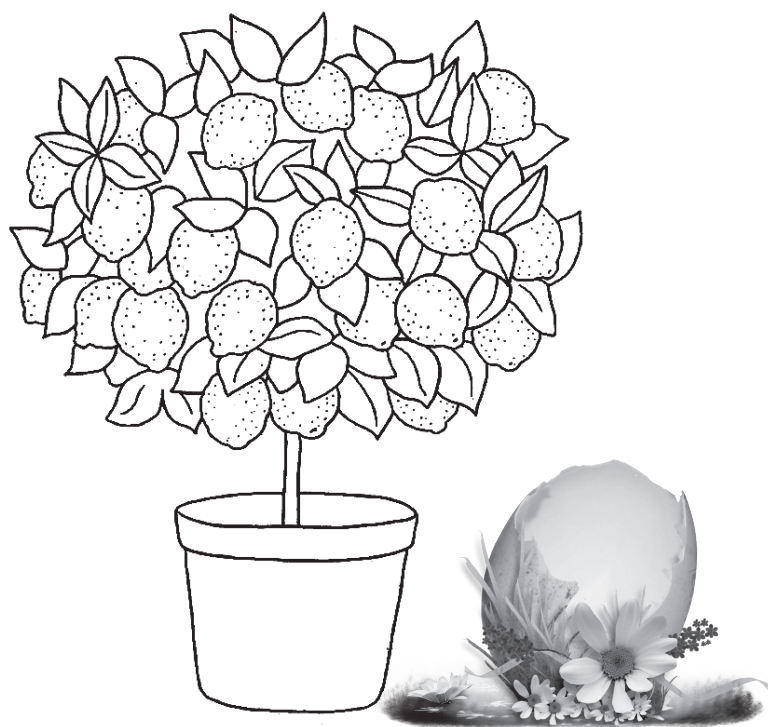
— Ух, пострелята!

Прошло немалое время, и добрая тётя Шура померла, совсем вскоре помер и Борис Семёныч. Взяла к себе лимонные деревья её дочка Ирина. Она вся по характеру пошла в свою маму, и тоже жила на первом этаже. Ирина, как и её покойная мамочка, раздаривала лимонные росточки людям. Друг мужа Ирины Вадим живёт теперь в Краснодарском крае. И там уж точно никого не удивишь лимонными деревцами. Однако Вадим повёз лимонное деревце, подаренное Ириной, в Краснодар. Говорит, что это его память о Сибири, о друзьях. У мужа Ирины Анатолия есть двоюродный брат Володя, он уехал жить в Белгород, и тоже забрал лимонное деревце в тёплые края в память о Сибири. Вот такая нынче жизнь, уже двадцать пять лет люди повально уезжают из Сибири. У людей здесь нынче нет работы, нет будущего. Но Ирина с Анатолием остались жить в Братске и никуда уезжать не собираются.

Ирина по-прежнему раздаривает лимонные росточки людям, как делала её мама — добрая тётя Шура. И с помощью секрета с яичной скорлупкой продолжают расти в Сибири лимонные деревья. Когда плод вызревает и домашний лимон разрезают, то лимонный замечательный

дух стоит по всей квартире. Вкус у него особенный — самый настоящий. Пусть не обижается на это магазинный лимон, но он совсем не такой. Живите, лимонные деревца, и радуйте своими плодами маленьких и больших человечков. Ночью я невольно подслушал разговор скорлупки с лимонным деревцем, но ничего не понял. Да и не надо мне знать их секреты...

Утром, напившись чая с домашним лимоном, иду на работу, знаю, что моя жена Ирина понесёт на работу отрезанный кусок лимона и обязательно угостит этой диковинкой своих сослуживцев по работе. Весом нынешний лимон снова с полкило. Шлют по интернету фотки своих плодов нам друзья из Белгорода, Краснодар, Ростова. Завернул и я кусочек спелого лимона, потому как перед работой захожу к старенькой моей мамочке. Знаю и то, что она отрежет кусочек своей сестре Марии. Несу на работу, угощаю мужиков. Простая история лимонного деревца и скорлупки, слава Богу, продолжается...

ЛУЧЕЖАРЧИК

*Посвящаю всем детям России!
Нашим лучежарчикам!*

Жил на свете Лучежарчик. Был это не человек, не зверь какой, а сам по себе такой уродился на Божий свет. Был он заметно крупнее сибирского жителя бурундука. Жили они с мамой в норке. Жутко боялись лисиц, много их собратьев-лучежарчиков погибло от хитрости коварного зверя. Лучежарчик однажды спросил у мамочки, почему они зовутся лучежарчиками?

Мамочка глубоко вздохнула и ответила так:

— Мы ведь, сынок, на солнышко окрасом походим, вот, наверно, потому так и зовёмся.

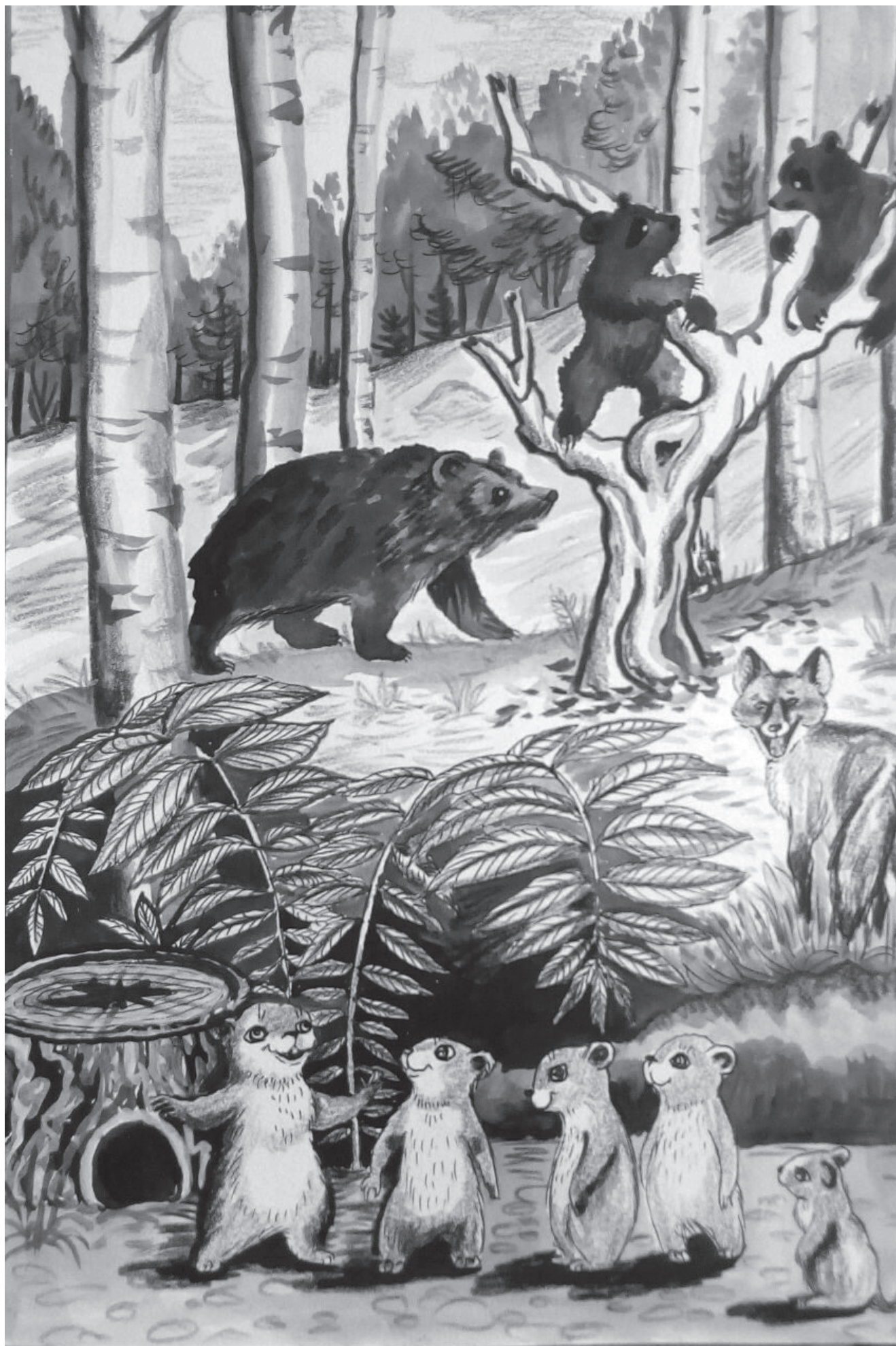
Лучежарчик был ещё маленьким, его всё интересовало, и он снова спросил маму:

— Мамочка! А вот лисица, она ведь тоже лучежарчик, а вот почему-то охотится за нами. Почему же?

Улыбнулась мама Лучежарчиха и ласково ответила:

— Лисица — это же зверь, а мы сами не знаем, кто мы. Хотя наши предки рассказывали, что мы похожи на сибирских бурундуков и питаемся тем, что любят они. Но бурундуки не могут разговаривать человеческим голосом, а вот мы, лучежарчики, можем.

Настал день рождения любопытного Лучежарчика, и в их норке собрались друзья лучежарчики. Веселились на славу, кедровых орехов наелись досыта. И когда Лучежарчик стал провожать друзей, то увидел, что в их норку заглядывает лисица, которая увидела, что в домик Лучежарчика и его мамы направляется много лучежарчиков. О том, что они идут на день рождения, коварная плутов-

ка не знала. Она рванула к норке, но не успела, и теперь терпеливо ждала добычи. Лучежарчик попросил друзей отползти подальше в норку, а сам спросил у лисицы:

— Эх, лисица, лисица! Ты же тоже лучежарчиха, но почему-то хочешь нас съесть. Как тебе не стыдно, ведь мы твои собратья!

Лисица ничего не поняла, она не умела говорить человеческим голосом. Она продолжала глядеть в норку и думала, что лучежарчика не достать, слишком он далеко от неё. В этот момент захрустели старые, валявшиеся в лесу, ветки деревьев. Всполошилась лисица, оторвала свой взгляд от домика, где жил Лучежарчик с мамой, и увидела идущую прямо на неё огромную медведицу с медвежатами. Знала плутовка, что медведицу, особенно если она с медвежатами, лучше обходить стороной. Лиса убежала подальше в лес расстроенная, что осталась голодной. Лучежарчик же, увидя, что лисья морда исчезла, стал потихоньку подползать к выходу. Осмелел, вылез наружу и сразу увидел большую медведицу, а с нею маленьких медвежат, которые уже игрались на маленькой лужайке. Улыбнулся Лучежарчик и подумал, что лисица, наверное, поняла, что они собратья, и потому не стала их трогать. Проводив друзей, Лучежарчик снова задавал мамочке вопросы:

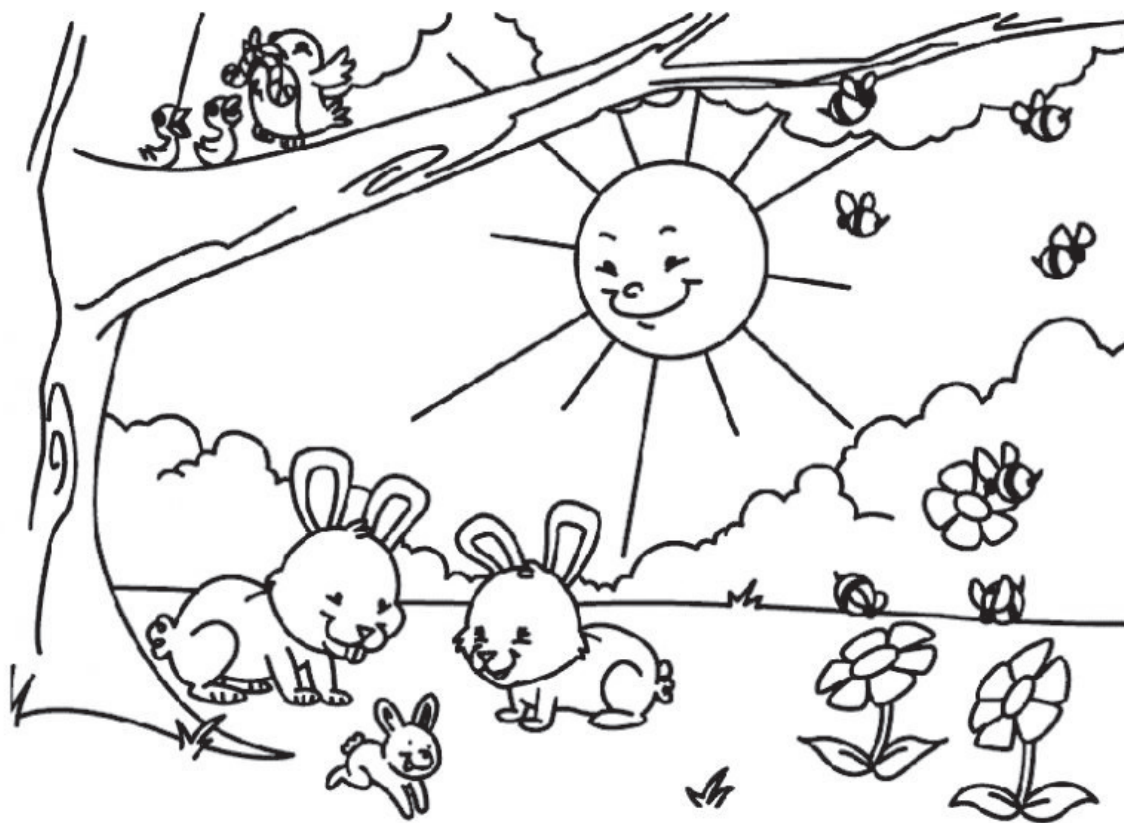
— Мамочка! Вот видишь, я поговорил с лисой, и она поняла, что мы собратья, не стала нас обижать. Теперь ведь нам нечего бояться, мама?

Улыбнулась Лучежарчиха, сказав на это:

— Ты больше, сынок, не подползай близко к выходу из нашего домика, когда увидишь лисицу. Я за это буду тебя ругать.

В этот момент мама Лучежарчиха подумала, какой же

ещё глупенький её сыночек. Но и отважный, это ж надо было додуматься, чтобы смело разговаривать с нашим врагом. Теперь придётся весь вечер доказывать ему, что опасно, а что нет. Например, медведицу с медвежатами нам опасаться не надо. О многом ещё предстоит поведать маме, чтобы её Лучежарчик был умным, чтобы радовал солнышко своим окрасом, чтобы всех радовал...

КОНЬ БУЯН, ДЕТИШКИ, АФАНАСИЙ

На зелёном полотне земли, какое бывает всегда и во все времена долгожданным тёплым или дождливым, но всегда, покуда существует наша красавица Матушка-Земля, именно долгожданным летом, стоял сильный молодой конь Буйн. Был он чёрно-коричневого окраса. Пасся Буйн на довольно большой лужайке, длинная верёвка, к которой конь был привязан, позволяла ему вольготно гулять, щипать траву да смотреть добрыми, благодарными глазами на людей. И совсем не было понятно, почему хозяин назвал коня Буйном, ведь конь был настолько добрым, что многие старушки, переехавшие из деревни жить в город, глядя на него, говорили:

– Вот бы пожить хошь маненько. На эдаку животину добрую полюбоваться, деревню помянуть.

Рядом стояли два девятиэтажных и один десятиэтажный дом. В них, как водится в нашей жизни, жили взрослые и дети. Одна девочка Даша каждое утро просыпалась в восемь часов утра и бежала к коню, чтобы с ним поздороваться, и красивый конь опускал свою красивую голову, тем самым, здороваясь с девочкой. Потом прибежали её друзья Яна, Андрей и Марат. Каждый доставал из кармана то конфетку, то яблоко. Конь подходил к детям, аккуратно брал из их рук гостинцы и быстро их съедал. Даша говорила вслух:

– Ну, вот чего так взрослые долго спят, надо Буйна кормить, а они самые настоящие засони, спят и спят.

Потом, глубоко вздохнув, девочка добавила:

– Наверно, на работе устают.

Рядышком стояла строящаяся уже много лет частная зубная поликлиника. Это было строительство зубного

врача Михалыча. И хоть другие зубные врачи стали давно богатыми, Михалыч не стал. Жалел людей, знал, что у земляков маленькие зарплаты, и брал с них за лечение меньше, чем другие врачи. А эти самые богатые врачи злились на Михалыча за это вот доброе дело. Так вот, конь Буян был конём Михалыча. Зачем он его купил, он и сам толком не знал, всем говорил, что для внуков, но те были ещё маленькими. Михалычу было уже далеко за шестьдесят, а вот внуки были у него совсем крошечными, потому что сыновья его женились поздновато. Пожилой врач решил, что пусть тогда дети родного посёлка радуются коняшке. К тому же рядышком со строящейся больницей была большая лужайка, вот он и привязал коня, как оказалось, на радость людям. В наше современное время две тысячи девятнадцатого года в магазинах было много еды. Люди её, конечно же, покупали. И вот к часу дня к коню направлялась прямо-таки целая делегация взрослых. Были это старенькие бабульки, два деда и, конечно же, дети, которых наконец-то вечно ворчливые родители отпустили погулять. Несли они Буяну конфеты, яблоки, печеньки, словом, кто что мог, то и несли. Кормили его с рук, радовались этому, обсуждали, какой красивый конь. Один дед, восторгнувшись, изрёк:

– Были когда-то и мы рысаками. В деревне, бывало, не слазили с коней, умные они животные, чего там говорить.

Все ведали, что это конь Михалыча. Все были его пациентами и знали, что другие врачи злились на доброго врача. А этот самый врач, уезжая по делам, всегда знал, что коняшка его будет сыта, потому как доктор ведал ещё и о доброте поселкового народа да к тому же любил читать русскую классическую литературу. На вопросы,

почему он много читает, отвечал просто: «Как-то нравится мне это дело, там же наша жизнь описана, а самое интересное, жизнь наших русских людей, которые жили до нас».

У Михалыча был покос, он уезжал на две недели косить сено потому как держал корову. Очень хотел старый врач, чтобы его внуки пили натуральное молоко. Дети, а это были два сына, тоже выучились на зубных врачей. Стали строить отец и два сына одноэтажное здание на месте бывшей тридцать третьей столовой, которую давно разобрали. Кто постарше, ещё помнили, что при строительстве Братска хлеб в столовой был бесплатным. Здание было уже под крышей, вставлены новые пластиковые окна, внутри делался ремонт, но вот с бумагами была огромная канитель. Потому и не открывалась эта зубная больница. Ведь в стране нашей живут не только взрослые и дети, а ещё и чиновники. Вот эти самые чиновники и не давали доброму доктору открыть добрую больницу...

Дядя Афанасий, проснувшись в понедельник, понял, что после дачных посадочных работ он сегодня не работник. Но вот решил, чтобы день прошёл не напрасно, сделать своей жене Ирине окрошку. Зашёл к своей старенькой маме Анастасии Андреевне за квасом. Почему же зашёл? Потому как мамочка его накануне сказала:

– Вот ещё, на квас деньги тратить, сами испокон веков делаем, заходи, сынок.

Вот и пошёл Афанасий к маме за квасом. В их посёлке один армян открыл магазин под названием «Советский Союз», а на стенах магазина были изображены из прошлой жизни страны, известные люди, например, был изображён Леонид Ильич Брежнев. Но не только это привлекало покупателей. В этом магазине были немно-

жечко снижены цены на макароны, консервы, хлеб, со, и ещё на что-то. Купив огурцов в этом магазине, которые тоже были подешевле, Афанасий направлялся к стареньким двухэтажным деревянным домам, где он жил в двухподъездном восьмиквартирном доме. Проходя мимо двух девятиэтажных домов, где в проёме в любую погоду дул всегда ветер, Афанасий полез в карман, потому что испугался, не потерял ли ключи от дома. Ключи, слава Богу, были на месте, и именно в этом проёме, где всегда дует ветер, у него из кармана упала конфетка. Этими конфетами его угостила подруга жены Ирины Татьяна. У Татьяны заболел муж воспалением лёгких. А была пора посадки картофеля. Афанасий с женой Ириной помогли Татьяне посадить картошку. Они давно дружили семьями. Второй сын Татьяны учился в другом сибирском городе на фельдшера, старший же сын был инвалидом, третий сын Михаил учился в старших классах, сам вспахал огород, а вот младшенькая дочка их Дашка тоже помогала маме чем могла. И пока Афанасий, Ирина и Татьяна садили огород, Дашка отварила им картошку и запекла в духовке курицу. Татьяна во время посадки всё бегала и набирала в бочке пепла, они весело разговаривали с Ириной, и за дружной работой большой огород был посажен за два часа. И вот Татьяна насыпала Афанасию целый карман конфет. Почему же она их насыпала? Потому что Афанасий любил кисленькие карамельки с лимоном и апельсином, а ещё они жевались, словно магазинная жвачка. Афанасию нравилось, что их не надо выплёвывать как жвачку, эти конфеты растаивали во рту и, как ему всерьёз казалось, помогали пищеварению. Вот одна из подаренных конфет и вывалилась на асфальт. Подобрав конфетку, Афанасий поглядел на строящийся

из красного кирпича храм Преображения Господня. По-молился и вдруг на лужайке увидел красивого-прекрасивого коня, зрение у него было плохое, и Афанасий решил подойти поближе к коню. Вся команда детей к тому времени была в сборе. Дядя Афанасий спросил, как зовут детей, они живо отрапортовали: Даша, Яна, Андрей и Марат. Афанасий, вспомнив о конфетах, спросил:

– А ест ли конь конфеты?

Даша тут же громко-прегромко звенящим молодостью голосом сказала:

– Конечно, ест.

Афанасий, опустив сумку с припасами для окрошки, протянул детям конфеты. Даша сразу развернула конфетку и дала из рук Буяну. Конь аккуратно слизнул конфетку, и девочка весело закричала:

– Смотрите, смотрите, он улыбается!

Афанасий, который сам не так часто улыбался, спросил:

– Как же ты поняла, что конь улыбается?

Девочка, вовсе не задумываясь, ответила:

– Да как же, видите, он зубы показывает, это же он улыбается.

Афанасию очень понравилось, как конь слизнул конфетку, он спросил у Даши:

– А можно я дам конфетку? Он меня не укусит?

Даша улыбнулась в ответ:

– Да что вы, дядя Афанасий, Буян будет только рад. Буян и сам не знал, что он сладкоежка, а мы ему подсказали.

Афанасий развернул конфетку, и дал коню. Буян привычно слизнул конфету, а Афанасий на крохотное мгновение ощутил ладонью руки что-то приятное, подивил-

ся, как же быстро исчезла конфетка.

Вдруг мальчик Андрей спросил:

– Дяденька, а у вас нет ещё таких конфет, я сам такие люблю.

Афанасий раздал все конфеты. Оказалось, что не только конь Буян любил конфеты, дети тоже любили конфеты. И быстро-быстро их съели. Теперь на лужайке валялись обёртки от конфет, и Даша вдруг сказала:

– А Буян фантики тоже ест.

И не успела она это сказать, как Буян и вправду слопал все фантики. Даша, вздохнув глубоко, добавила к сказанному:

– Ну как же, фантики-то конфеткой пахнут, вот он их и ест.

Вдруг Андрей снова сказал:

– А вот в Осиновке тоже кони гуляют, там одна злая коняга есть, а Буян добрый.

К ним подошёл мальчик, назвался Стёпкой, и стал доставать из карманов печеньки и давать коню. Печеньки все крошились, и потому кормление замедлилось. Видя такое, Марат сказал:

– Теперь я тоже буду разминать печеньки, так дольше кормишь, а то конфетки отдал, и он сразу их языком слизнул.

Стёпка вывернул карманы, и оттуда посыпалось сладкое крошево. Конь подошёл поближе и слизал с зелёного полотна земли это самое крошево. Марат, глядя на это, снова сказал:

– Всё, теперь только печеньки в карманах буду таскать.

Подошёл другой мальчик, он никак не назвался, просто протянул яблоко Буяну. Все обернулись, потому как за мальчиком бежала его мама, громко говоря:

– Так вот куда яблоки исчезают! Я каждый день покупаю по килограмму, и не поняла, куда они пропадают.

Затем, подойдя поближе и видя, как Буян ест яблоко, успокоилась и даже улыбнулась. А мальчонка и рад, глядя на мамину улыбку, гроза отошла, теперь ему не попадёт, и мамочка разрешит ходить к красивому Буяну.

Поглядев на всё это и порадовав свои подслеповатые глаза, Афанасий поплёлся до дому готовить окрошку. Думал он по дороге вот о чём: «В этой самой тридцать третьей столовой двадцать девять лет назад была их с Ириной свадьба. Народу было на ней около ста человек, а может, и больше, широко тогда заводские мужики гуляли свадьбы, а он и был самым настоящим заводчанином. Вспомнил и своё барачное детство, как каждый раз мама оставляла ему рубль, чтобы он пообедал в этой самой тридцать третьей столовой. Обычно они ходили втроём, три друга: Афанасий, Эдик и Вадик. Но однажды они с Вадиком почему-то не зашли за Эдиком. И вот когда они обедали, в столовую вбежал Эдик, был он сильно обижен за то, что за ним не зашли. И, проходя с подносом еды возле друзей, он даже не сел с ними за один стол. Лицо его при этом было злое. Быстро помирились друзья. А память столько лет хранит это всё в Афанасьевом сердце. И вот теперь на месте бывшей тридцать третьей столовой почти построена зубная больница. Молодец Михалыч, чего там говорить, и конь Буян дивно красив»...

Недавно приехал с вахты старший сын Афанасия Виктор, сообщил родителям, что собирается увольняться с работы и уже были написаны и отданы начальству заявления об уходе. Они с другом Михаилом уже пять лет работали на дорожном строительстве инженерами. Иркутскую область и Читинскую исколесили за это время вдоль

и поперёк, познав строительство дорог, живя и греясь в вагончиках с буржуйкой, а не в чистеньком кабинетике. И совсем недавно перешли в организацию, которая занимается контролем качества дорог. Вышестоящее начальство сказало им, чтобы они подписали документ о принятии в эксплуатацию моста. До этого они сами построили с десяток мостов и знали, что мост построен, мягко говоря, некачественно. Словом, не подписали друзья документ. В сердцах друг сына Михаил сказал:

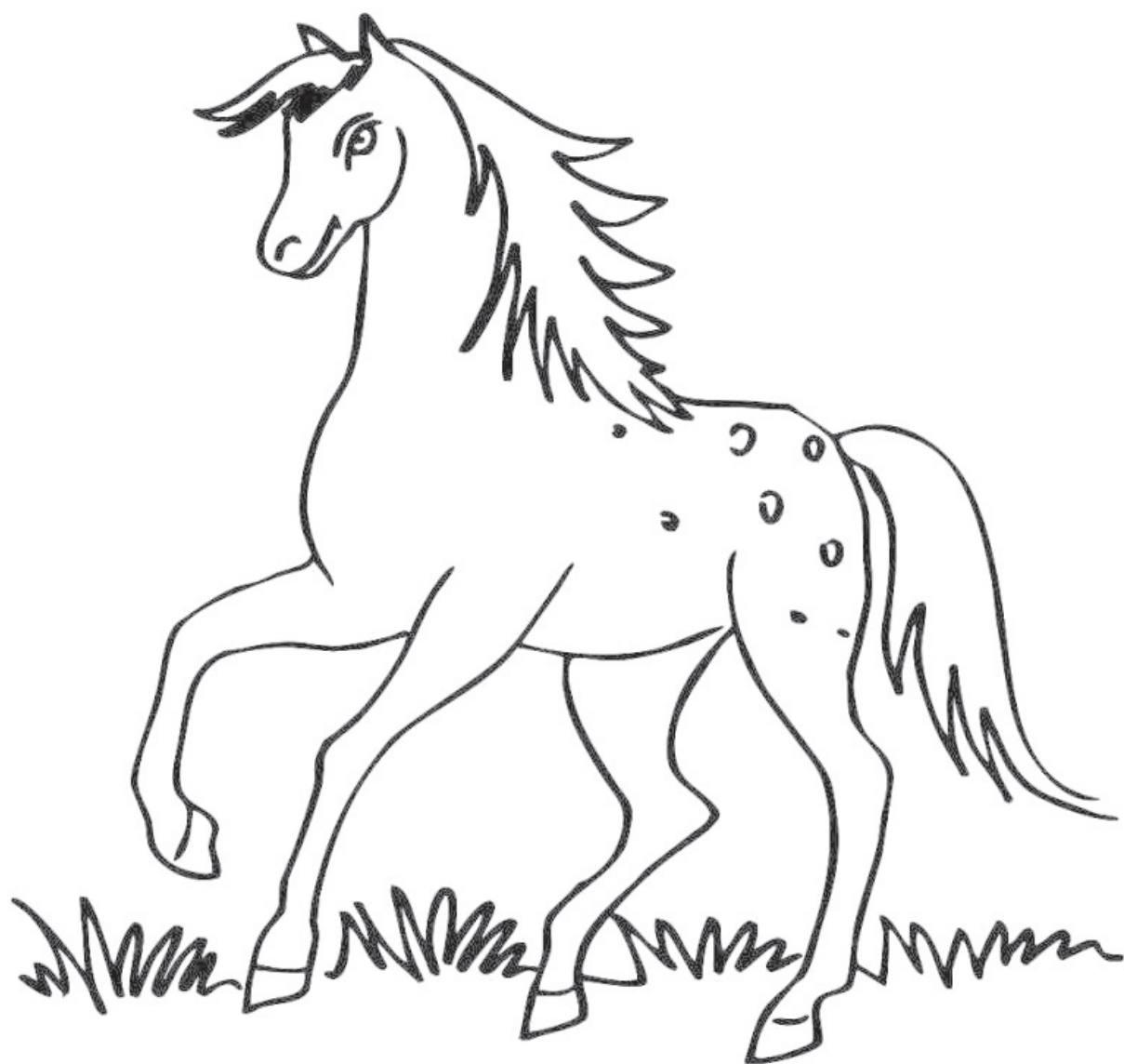
– Да что же они делают, люди могут погибнуть. Пусть увольняют, не подпишем документ.

И вот вырисовывалась такая картина, что за правду пострадали инженеры, оказалось, не нужны нынче нашей стране честные инженеры. Афанасий с женой Ириной, конечно же, загрустили. Младшего их сына Сергея забрали в армию. Повестка уже лежала на столе. И от всех этих мыслей на Афанасьевой голове добавлялись седые волосы, но всё же, добравшись до дома, сготовя окрошку, перекрестившись на иконы, Афанасий, глубоко вздохнув, вслух сказал:

– Хорошо, что Буяна с детишками встретил...

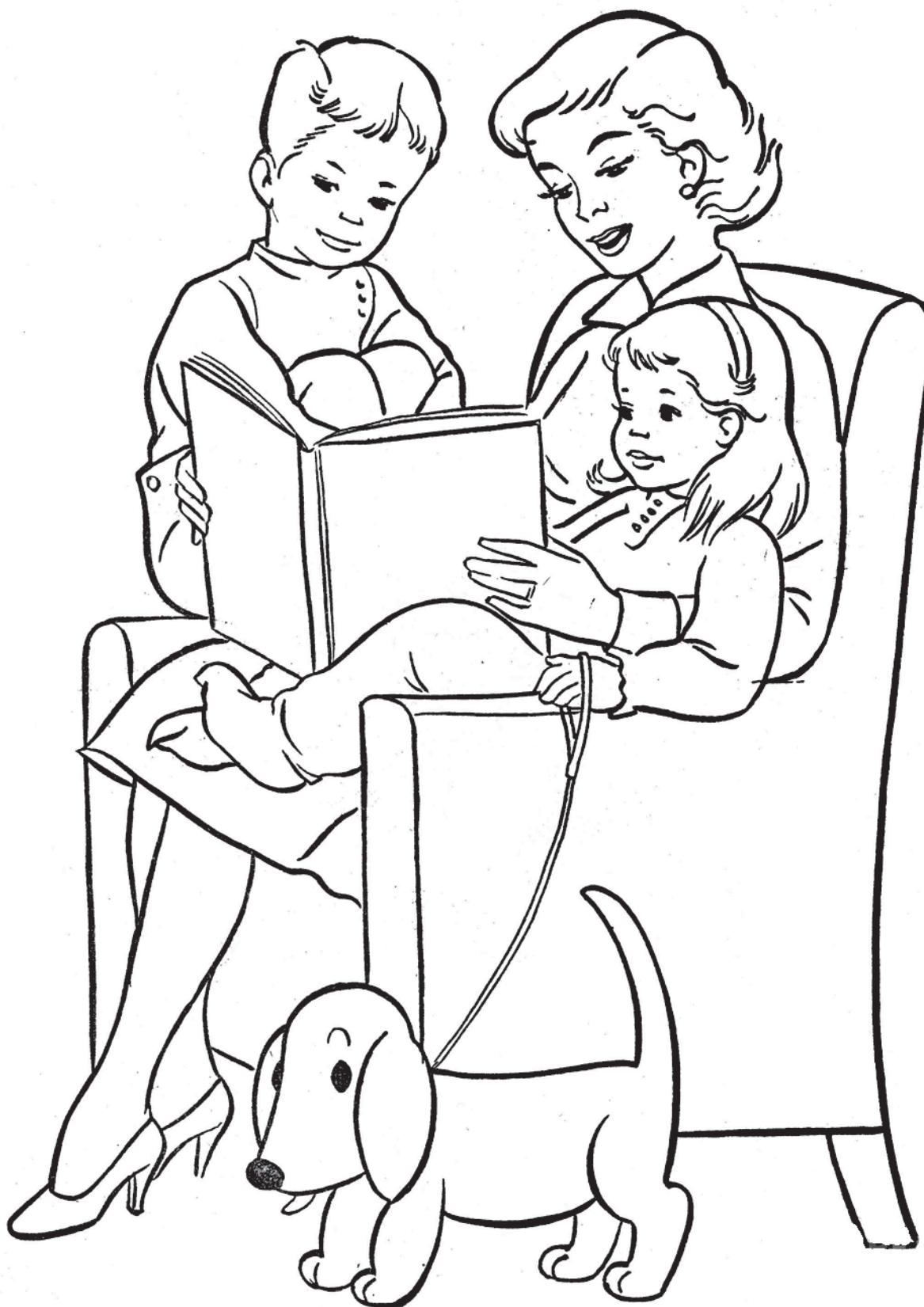
Рано утром просыпается посёлок Гидростроитель. Взрослые, как и заведено в нашей всамделишной жизни, спешат на работу. Так как лето уже наступило, дети к своей огромной радости уже не ходили в школу, а вот дети, которые ходили в детский садик, по-прежнему посещали его, хотя было лето. Многие ребяташки даже злились, вот-де школьникам везёт, у них каникулы, и они могут поиграть на улице, покормить Буяна, а нам надо в садик идти. Но так думали те детишки, кто был в старших группах детских садов. Младшие, по счастью, не расстраивались из-за этого, потому что были малень-

кими. Так вот, каждое утро, когда просыпается посёлок, на лужайке рядышком с девятиэтажными домами пасётся конь Буйан, и это всё действие просто волшебное и прекрасно...

Содержание

Мальчик-Зайчик и Храпушка.....	4
Дубак	12
Светкин северный поход	17
Секрет Эдика и Толика	22
Унывающий кабачок	26
Сибирский Дервиш	31
Тимофейка	38
Василёк на вертолёте	43
Изюмная улыбка.....	47
Сопушка и белое облачко	50
Кузнечик в спичечном коробке	54
Лимонное деревце и яичная скорлупка	56
Лучежарчик	60
Конь Буян, детишки, Афанасий	64

Анатолий Владимирович Казаков

Сопушка и белое облачко

Для детей разного возраста

Художник Фабричникова Елена

Технический редактор Хомченко Марина

Корректор Прошутинская Марина

Также в книге использованы картинки и рисунки, взятые из Интернета.

Подписано в печать 24.07.2019 г. Формат 210x297 1/8. Бумага офсетная.

Гарнитура SchoolBookC (OTF). Печать офсетная. Тираж 70 экз.

Отпечатано: Типография «Полиграф».

г. Братск, ул. Южная, 8, строение 3, 1 подъезд.

Тел/ф. 41-00-04

E-mail: ps@bratsk.ru